Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 43 2005 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

ТРУЖЕНИКИ НАСЛЕДУЮТ ЦАРСТВО
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

СРЕТЕНИЕ БОГА

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О брани между плотью и духом...»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником «О богоугодной молитве»

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЕ К ДРУГИМ И СТРОГИЕ К СЕБЕ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

СХИИГУМЕН МИТРОФАН
Из воспоминаний духовных чад

ЗА ГРОБОМ МЫ БЕЗСМЕРТНЫ
По страницам акафистов

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ
...Пока не случился пожар

О ПУТИ КО СПАСЕНИЮ
Святитель Феофан Затворник

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
и другое...

Как деревья, если не будут напоены естественной водой, расти не могут, так и душа, если не воспримет небесной сладости, расти не может. Только души, которые восприняли Духа и небесной напоены сладостью, – возрастают.

Преподобный Антоний Великий

Труженики наследуют Царство

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь,
Память свт. Феофана, Затворника Вышенского.
23 января 2005 г.

Сегодня мы собрались с вами в этом величественном, прекрасном соборе, чтобы прославить Господа, Матерь Божию и святых за их великие благодеяния, которые они подают нам, стремятся очистить, освятить наши души, направить на путь спасения. Они хотят, чтобы мы наследовали Небо...

Известен такой случай: пришел один пожилой монах в Оптину пустынь и стал ставить свечи на подсвечники. Ему говорят: «Монашествующим не положено — ведь они ничего не имеют». Но этот монах возмутился и побежал к старцу: «Почему мне не разрешают ставить свечи?!» А старец ему отвечает: «Ставь свечи, ставь. Только успокойся...». И добавляет пословицу: «Старого учить, что мертвого лечить». Монах обрадовался — прибегает в храм и говорит: «Мне старец сказал, что свечи можно ставить! И сказал: старого учить, что мертвого лечить», — он не понял, что эти слова относились к нему...

Эту старческую поговорку можно применить и к нам: если человек закоснел в стремлении к наслаждениям, приобретению богатства или к другим страстям, его очень трудно исправить, направить на путь спасения, соблюдения церковного устава и заповедей Божиих. Сейчас многие из тех, которые родились при советской идеологии, настроены против религии, против Бога, против храма. Они думают, что это религия мешает им жить нормально, счастливо, богато. Считают верующих сорняком, который препятствует давать ростки полезным и нужным растениям. Они полагают, что сами живут правильной жизнью, что их путь — хороший, нравственный, чистый. Но путь их — путь наслаждений и утех.

Да, в какой-то мере они наслаждаются жизнью. Но лишь потому, что диавол их не трогает: лукавый видит, что они идут к погибели — зачем же ему их трогать! Пусть идут. Он только подбрасывает им разные идеи: как обогатиться, как вырастить хороший урожай, как прославиться... Но едва кто-нибудь из них встанет на путь спасения — им тут же приходится начинать войну и с плотью, и с диаволом. Враг спасения невидимо для нас управляет нами, влагая разные помыслы, чтобы мы исполняли его волю. Конечно, борьба с миром — с той трясиной, которая нас засасывает через блуд, разврат, пьянство, наркоманию — очень тяжела. А те, которые удовлетворяют свою похоть и гордость житейскую, живут припеваючи...

Мы завидуем, глядя на Запад, говорим: «Посмотрите, как там живут... В богатстве, славе, имея большие технические возможности! А мы не поспеваем за прогрессом: землю обрабатываем ручным трудом — лопатой, граблями. Сажаем, поливаем, убираем — и все вручную». Мы сокрушаемся, скорбим, что живем без техники и нам приходится много трудиться. Но забываем, что все это мы делаем для себя: ведь Ангел хранитель записывает каждый наш трудовой шаг. А если люди не трудятся — так кому записывать эти шаги: технике? роботам? Господь каждому сказал: «В поте лица будешь добывать хлеб свой... Царство Небесное нудится, и нуждницы, — т.е. трудящиеся, — восхищают е», — ни на какой технике не въедешь в Царство Небесное. Мы просто обмануты миром и диаволом. Наша плоть восстает: «Зачем тебе пешком идти в храм?! Есть машины!» А зачем наши предки ходили пешком на поклонение мощам, святыням, к источникам? Ходили даже в Киев и Иерусалим, а уж ко всем чудотворным источникам обязательно отправлялись пешком. Придя к святым колодцам, пили воду, окунались в источник, благодарили Бога, молились и радовались — и Господь укреплял их физические и духовные силы. А мы едем на машине к святому источнику и думаем: «А вдруг какой-нибудь прокаженный передо мной зашел в купель?!» — постоянное сомнение, постоянная брезгливость. Старцы говорят: «У святого все свято». Если человек трудит свою плоть, идя

пешком ко святыне, для него нет понятий «плохое», «грязное», «скверное». Он идет с верой.

На земном шаре много родников, но именно православная Русь богата святыми источниками. Кто же их освящает? Вера. Вы прекрасно знаете, что на Крещение освящаются водные стихии во всем мире — и у нас, и на Западе. Но у них нет веры, что эта вода — святая. А без веры не поможет ничто целебное, святое, целительное. Без веры, если и ко Причастию подойдем, думая, что это хлеб и вино, то хлеба с вином и вкусим. Можно привести множество примеров неверия, за которое Господь не дает благодати, и человек уходит из храма «выжженной пустыней», ничего не приобретая. А потом думает: «Зачем я пошел в храм и зачем мне все это нужно, если я ничего не приобрел?»

Да, мы закоснели во грехах. Безполезно человеку, который стремится к богатству и славе, говорить: «Оставь роскошь, смирись, как смирился Господь наш Иисус Христос, Который не имел ничего». Человек в страсти неуправляем. И если он занимается наркотиками, алкоголизмом или блудом, то будет заниматься этим до смерти. Никакими словами его не уговорить. Лишь только когда кто-то вздохнет за него ко Господу и попросит: «Господи, помоги спастись этой душе! Помоги ему остановиться!» -и сам этот человек одумается, покается — Господь Своей благодатью поможет. Точно так же, как исцеление от СПИДа, рака можно получить только у Господа — Он один по Своему милосердию исцеляет тех людей, которые приходят к Нему, прибегают к помощи святых угодников Божиих — к их святым мощам, исповедуются и причащаются. И когда врачи устанавливают, что человек, стоявший на учете в онкологической больнице, здоров — они делают выводы, что рак исцелим, нужно только найти к этому определенные средства. Но они никогда не найдут их, если не поверят в исцеляющую силу благодати Божией.

Один священник, заболев раком головы и услышав, что есть такой святой — Симеон столпник, который зимой и летом стоит и молится на каменном столпе, сказал: «Везите меня к нему». Когда его привезли, святой Симеон произнес: «Рак послан тебе за то, что ты литургисал в блуде: разделив ночью ложе с женой, утром ты совершал литургию оскверненным... А еще за то, что ты был жесток с людьми. Я советую тебе оставить священство». Священник раскаялся и обещал святому все исполнить. Тогда преподобный дал послушнику святую воду и кропило и велел окропить больного. Послушник все исполнил — и тот исцелился... Чем был исцелен рак? Священник покаялся, Симеон столпник помолился о нем и окропил святой водой. Так и наши болезни будут прогрессировать, пока мы не исправимся, не опомнимся и не покаемся.

Святое Богоявление.
Великое освящение воды.

Но закоснелого, старого во грехах учить — что мертвого лечить. Сегодня, когда мы видим, что на земле происходят странные катаклизмы, — не вразумляемся этим. Пусть мы не верим пророчествам святых отцов, не верим Откровению святого апостола Иоанна Богослова, но ведь и Нострадамус говорил, что все мы живем на вулкане — и будут землетрясения, извержения вулканов и цунами, потопления и истребление огнем и лавой целых городов и стран. Но мы не хотим верить даже в пророчества тех, кого признаем, утешаем себя, что этого не будет с нами, это нас минует... Когда по телевизору показывают, что совершаются катаклизмы, мы и не думаем опомниться. Я уже не говорю о языческих племенах и народах — я говорю о русских, которые купили билеты на пляжи в Индонезии. Море выкидывает трупы, все кругом поломано, бюро путешествий уговаривают: «Не ездите туда — там очень много жертв!» — нет, все равно едут — едут.

Вспомните, не то же ли самое происходило и при Ноевом потопе: сорок дней шел дождь, вода подтопляла здания, а люди плясали, играли, пили, объедались. Вода прибывала все больше и больше — они забирались на крыши и там продолжали гуляния... И были потоплены.

Кто-то подметил: «События в Индонезии — это второй Ноев потоп». Но второго водного потопа не будет — следующий будет огненный.

Мы смертны, душа наша безсмертна, и душой мы должны наследовать ад или рай. И от нашей жизни во плоти зависит участь нашей души...

Когда мы соборовали и причащали в больницах тяжело больных — они лежали в страшных язвах, в муках, но все равно их внимание было прикована к телевизору, к сериалам, к новостям. Нет бы помолиться или почитать Евангелие! И попробуйте убрать телевизор — да что вы?! Без него — погибель! И так жизни нормальной нет, да еще последнего развлечения лишиться?!

Время близится к концу, для покаяния нам даются болезни, а мы все не смиряемся.

Что такое смирение? Один послушник пристал к старцу: «Благослови, я буду вериги носить». Старец этот — Лев Оптинский, который у многих снял вериги, когда ревность была не по Богу и не по разуму, уговаривал послушника: «Да зачем тебе вериги? Живи у всех в послушании — вот тебе и вериги». Но послушник не отставал: «Благослови мне вериги». Тогда старец позвал к себе кузнеца и говорит: «Придет к тебе такой-то с просьбой сделать ему вериги — ударь его по щеке». Проходит время — послушник опять: «Старец, благослови мне вериги». Тот в ответ: «Бог благословит — иди к кузнецу». Он прибегает к кузнецу и просит: «Сделай мне вериги». А кузнец разворачивается: «Какие тебе вериги?!» — и хлоп его по щеке! Послушник ему в обратную — и между ними чуть ли не драка завязалась... Идут оба к старцу, послушник рассказывает: «Он меня ударил» Старец говорит: «Ну, вот ты хотел вериги, а пощечину не снес!»

Так и у нас часто бывает: «У меня все получается! Я акафист пою, ко мне люди подходят за наставлением, за благословением. Я священником могу быть!..», — а попробуй — ударь этого человека по щеке...

Или другой пример. Послушник говорит старцу:

— Я хочу пострадать ради Христа.

Тот отвечает:

— Ты вытерпи безропотно все, что происходит в твоей жизни — вот тебе и страдание.

— Нет, я хочу пострадать!..

Долго он его донимал. И вот однажды старец вызывает послушника ночью и говорит: «Иди в скит». Дело было зимой, а скит от монастыря находился в нескольких километрах. Послушник говорит: «Я боюсь: там снега много и волки. Я же замерзну». Старец в ответ: «А ты ж хотел за Христа пострадать! Пошел бы за послушание, тебя волки бы растерзали — вот ради Христа до крови и пострадал бы!»...

Частенько люди благодать Божию принимают за свою силу, и человек считает: «Я все сделаю! Я все выполню!..», — ну чуть ли не на небо в сей же час! Появляется гордость, осуждение: «Я молюсь много, а другие меньше. Я пощусь, а другие не постятся. Я живу так, а другие иначе», — за это Господь отнимает благодать и человек становится слабым, немощным, потерянным. И если раньше он постился, то теперь начинает есть втрое больше, чтобы «наверстать упущенное». Если до этого воздерживался и не глядел на противоположный пол — начинает блудить, плясать...

Можно долго пересказывать примеры из житий и поучения святых отцов. Сейчас очень много издается книг, но бывает и как в той поговорке: «Один мних («мних» — это монах) имел много книг, спал на них и не знал, что в них». И мы возьмем православную книгу — и засыпаем, сразу ее в сторону. А тут и сон пропал — надо вставать и заниматься своими делами...

Но нужно ведь и бороться. А борьба заключается в том, что приходит сон — борись со сном, приходит позыв к пище — борись со своим чревом. Оно начнет стонать, тошнить, ломить, пугать: «У тебя сейчас начнется гастрит, колит! Чего только не начнется!» Нужно бороться. А мы бежим: «Батюшка, благословите мне молочко постом. Я не выдержу, я боюсь, что заболею». И никто не скажет: «Батюшка, благослови терпеть до конца. Заболею, умру — быстрее к Богу пойду». А Господь сказал: «В чем найду, в том и сужду». Бороться надо со своими взглядами, со своими наслаждениями, желаниями, сдерживать себя. Взнузданного коня легко держать -так и наше тело. Если мы (на основании Священного Писания) заставляем себя воздерживать свое тело, принимать то, что нужно для спасения, то мы взнуздали своего «коня». Но чаще мы в расслаблении, в неге, многоспании, многоядении. Лежим, вздыхаем и говорим: «Господи, как бы нам спастись? Как бы рай наследовать?... А подайте-ка мне стаканчик молочка». Мы знаем Священное Писание, но мечтаем, как бы и здесь пожить сладко, и там наследовать кусочек Неба. А надо заслужить, завоевать это Небо, ведь мы воины Царя Небесного — так будем же воевать.

В одном монастыре встал монах на молитву, и у него начались сильнейшие головные боли. Это мы сейчас знаем, что можно выпить таблетку цитрамона или еще чего-нибудь, а в то время таблеток не было. Монах думает: «Нет, не могу больше — лягу». А мысль идет: «А вдруг я умру на койке? Лучше уж я перед иконой на молитве умру». И опять говорит себе: «Нет, не могу вынести, все — ложусь!» А мысль опять: «А если умрешь? Господь говорит: «В чем найду, в том и сужду», — и как ленивца, нерадивого монаха Господь тебя осудит». Он кое-как перетерпел, дочитал свое монашеское правило — и прекратились боли!

Я не призываю, чтобы вы напрочь забыли медицину. И старцы иногда спрашивали:

– Что тебе врачи говорят?

– Рекомендуют делать операцию.

– Бог благословит – иди на операцию.

По нашей немощи, мы сейчас и укол-то не можем вынести – не то, чтобы страшные боли терпеть. Ударили по пальцу – так клянем всех и вся! А нужно подумать: почему? Наверное, мы какой-то грех совершили, заслужили этот удар. Так и болезни: наверное, мы заслужили, чтобы они пришли. И если мы их потерпим, какой-то грех снимется с нас.

Дорогие, путь ко спасению показан нам в Евангелии. А Евангелие призывает в храм, чтобы мы здесь принимали Тело и Кровь Христову, иначе мы не сможем спастись. Иные говорят: «Да зачем мне все это? Я душой верую – и у меня вера больше, чем у тех, которые ходят в храм. Посмотрите, какой жизнью они живут! – а я имею силы воздерживаться от всего». Но стань даже этот человек ангелом – если он не будет соединяться с Богом в таинстве Причастия, не видать ему Неба, он будет в центре земли, а там – огнь геенский...

Поздравляю вас с памятью святителя Феофана, Затворника Вышенского, и его молитвами призываю на вас Божие благословение.

Сретение Бога

В величественном событии, которое Церковь вспоминает 2 февраля (15 февраля по н.ст.), – произошла торжественная и незабвенная встреча. В лице Симеона Богоприимца человечество познало своего Искупителя и поклонилось Ему.

Праведный Симеон был ветхий старец, утружденный годами и долгим ожиданием, переживший свое поколение и остававшийся в жизни лишь силою чудного обетования – не видеть смерти, пока не увидит Христа Господня.

И дождался... Открылись очи. На руках Девы-Матери пред ним Младенец, Которого поняло и назвало вещее сердце, Которому в восторге поклонилось...

Единственная, счастливая минута...

В жизни каждого человека повторяются эти минуты. Чем ближе человек к Богу, чем больше о Нем думает и чем живее к Нему стремится, тем эти встречи чаще и ощутительнее.

Скрытым, недоступным для людей был Иегова Ветхого Завета. Но всегда ожидающим нас, всегда просящим взойти к нам и беседовать с нами является кроткий, доступный, призывающий Иисус.

И сколько этих заветных встреч хранят сказания христианства... Как легко душа, на которую падает Божественный взор, познает Своего Творца и Господина и как покорно спешит к Нему, погружаясь в верховное, несказанное счастье...

Бывало, рыбаки галилейские работают, чиня свои сети... И про-

ходит мимо них Сын Человеческий... Кинет взгляд в их душу. Тихо произнесет: «Идите за Мною»... Бросают все: работу данного часа, промысел жизни, родных, налаженные привычки, весь строй и быт жизни, – и идут за Ним...

В тесноте двигается Христос среди стремящегося к Нему народа. Небольшого роста человечек, Закхей мытарь, всею душою жаждет видеть Учителя и Пророка; и, боясь, что не различит Его чрез толпу, взбирается на смоковницу. И вот достигает его слуха обращенный к нему ласковый голос:

– Закхей, сегодня Я буду у тебя в доме...

И какая сила обновления, какой призыв к иной жизни прозвучали в этих простых словах.

– Господи, – раздалось в ответ, – се полимения моего дам нищим; и, если кого чем обидел, возвращу четверицею...

Идет погруженная в неисходную скорбь вдова Наина. Рыдает, не видя ничего вокруг, ушедшая в воспоминания о тех днях, когда невинным ребенком резвился около нее бездыханный теперь ее сын, которого несут в могилу... И с этим неописуемым горем матери встречается благодать и милосердие идущего к погребальному шествию Христа...

–Юноша, тебе глаголю – возстани...

И смерть побежала назад пред Властителем жизни...

Жена хананейская жалко кричит вслед за Христом. Сердце говорит ей, что Он все может и освободит дочь ее от вселившегося в нее демона. Но молчанием сперва, а потом резким словом отвечает Христос на мольбу изстрадавшейся женщины. И вот раздаются слова, оставшиеся жить в веках, как высокий образ ничем непобедимой и ничем несмущаемой веры:

– Пусть я как собака. Но и собаки подбирают крохи, падающие с трапезы господ...

Матери приводят ко Христу детей. А ученики, видя, сколько взрослых людей с важными, большими нуждами и коренными жизненными вопросами стремятся

переговорить с Учителем, удерживают детей...

– Оставите их приходить ко Мне, – звучит на веки зов Христа к невинным, Бога чующим, душам детей. – Ибо таковых есть Царствие Небесное...

И вот Христос благословляет детей, и в лице их будущее человечество.

Грешница, упав к ногам Христовым, льет на них из драгоценного сосуда драгоценное миро с еще более ценным миром слез своих и вытирает их шелком волос своих... Вокруг осуждения, а Христос славит этот порыв когда-то заблудшей, но из познаний Бога своего возродившейся души человеческой, и обещает, что неумолчно по миру всему в веках будет оглашаться это дело безграничной любви, покаянной тоски и святого усердия...

Ужас и мрак Голгофы. Решаются судьбы вселенной и человечества. Солнце в страхе скрывает свои лучи. В потрясенной душе сотника слагается исповедание: «Воистину Божий Сын есть Сей»... Стоят с обеих сторон крестоверный ученик и скорбная Матерь. Висят, исходя мукой, справа и слева, разбойники... И хула одного из них сливается с глумлением книжников и фарисеев, добившихся гибели Пророка и Чудотворца... А в сердце справа распятого разбойника совершается какое-то таинство. В оскорбленном, измученном сердце рождается вера и предчувствие громадной, блаженной судьбы, если он душою прильнет к этому поносимому одними, благословляемому другими Страдальцу. И вот раздалось:

– Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!..

Первый счастливый день обновленного мира, благословенное утро Воскресения Христова... Пещера, откуда взлетел с белым знаменем победы в руках тридневно воскресший Господь, Магдалина – первая, еще в предразсветном сумраке, пришедшая с ароматами помазать Пречистое Тело. И являющийся ей Господь. Не узнала. Плачет, не видя тела в гробе, думая, что украли это последнее, что оставалось от Учителя.

– Что плачешь, Мария?

– Господи, взяли тело, и не знаю, где положили его...

– Мария!..

И все сказалось и открылось в этом призыве.

– Учитель!..

И сколько чудных, языком неизглаголанных, лишь для сердца постижимых встреч совершилось потом, в оставшиеся сорок дней пребывания Христа на земле и по вознесении Его на Небо...

Путь в Еммаус с двумя учениками и познание ими Христа в преломлении хлебов. Явление Фоме и ясные, осязательные, данные ему доказательства. Явление на море и

чудесный улов рыбы. Последняя встреча и Вознесение.

Стоят ученики, поклоняясь возносящемуся Господу, и в сердце сладко отдаются недавние слова: «Аз с вами есмь во вся дни до скончания века».

И потом явление архидиакону Стефану, избиваемому каменьями, гонителю Савлу:

– Савл, Савл! За что ты гонишь Меня?..

И встреча с Петром, убегающим из Рима от мучений.

– Куда идешь ты, Господи?

– Иду вторично пострадать в Риме.

Казалось бы, нам нужно скорбеть о том, что не живем мы в те дни, когда во плоти ходил по земле Христос, когда люди могли утешаться зрением Лика Божественного и услаждать свой слух тихою музыкою Его слов...

А между тем не возможны ли и теперь встречи со Христом, и не возможнее ли они теперь, чем прежде?

Слушайте ваше сердце, и тогда часто и часто будет трепетно чувствовать оно близость Христа.

Как станет вам тяжело, как покажется вам, что подобно шквалу разъярившегося моря восстало на вас все зло мира и вы тонете в пучине – собрав все силы вашего духа, воззовите к Нему, чудному Кормчему и Избавителю, и придет Он к вам, как пришел, ходя по водам Геннисаретского озера, к тонувшему Петру, и протянет вам руку.

Только слушайте Его, не отходите от Него, хотя бы и с печалью, как отошел некогда отягченный богатством юноша, которого Он звал на ближайшее служение Себе.

Ловите же душой Его близость, прикрепляйтесь к Его ризе, не выпуская ее из рук, как не хотела, несмотря на всю резкость Его ответов, отстать от Него жена хананейская. Вопите вслед Ему с неотступным упорством в вере: «Помни о мне и подавай мне, не как сыну Твоему, а как псу; подбирающему крохи с трапезы Господина».

Когда с умягченной душой, жалея ближнего, вы протянете ему хоть малую, скудную лепту, знайте, что в ту минуту произошла встреча вашей души со Христом.

Когда, вспоминая о Нем, благословлявшем на кресте Своих мучителей, вы, возвысясь над естеством, простите порывом светлым и святым людей, вас предавших, оболгавших, вас оскорбивших, – знайте, что душа ваша встретилась со всепрощающим, кротким Иисусом.

Когда мелодия звуков восхитит ваше сердце, под чудные созвучия почуете вы, как выше земли вознеслась душа ваша и несется к Престолу Непостижимого, Неизглаголанного Бога, – знайте, что встретились вы со Христом.

Когда в храме при трепетном молении народа Дух Святой сойдет на предложенный хлеб и вино, претворяя их в Тело и Кровь Христовы, и невидимый ангел поднесет Чашу к невидимому кресту и нацедит в нее нескончаемо льющуюся за спасение мира Животворящую Кровь, и вы затем, приступив, приобщитесь из той чаши, – знайте, что тогда душа ваша встретилась со Христом...

Е. ПОСЕЛЯНИН
«РУССКИЙ ПАЛОМНИК»,
№ 5, 1910

О брани между плотью и духом, находящейся в христианине

Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы (Гал. 5, 16-17).

Всякий христианин имеет два рождения: ветхое, то есть плотское, и духовное, новое; и они, одно другому, во всем противоположны. Плотское рождение есть плоть, духовное же есть дух. *Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 6). А поскольку оба эти рождения друг другу противоположны, то отсюда восстает вражда и борьба между плотью и духом в христианине: *плоть желает противного духу, а дух — противного плоти.*

Плоть хочет умертвить дух, дух же хочет умертвить плоть.

Плоть хочет покорить дух, дух же хочет покорить плоть.

Плоть хочет обладать духом, дух же — плотью.

Плоть хочет гордиться, величаться, возноситься; дух же не хочет, но хочет смиренномудрствовать.

Плоть хочет гневаться, злиться, ссориться, мстить делом или словом; дух же этого не хочет, но хочет все с кротостью прощать.

Плоть хочет блудодействовать и прелюбодействовать, но дух от этого отвращается и хочет целомудрия.

Плоть хочет чужое похищать, красть, грабить всяческим образом, но дух от этого отвращается, и хочет от своего подавать.

Плоть хочет лукавить, льстить, лгать, хитрить, обманывать и лицемерить, но дух все это ненавидит и хочет пребывать в истине и поступать просто.

Плоть хочет человека ненавидеть, а дух хочет его любить.

Плоть хочет в праздности жить, лениться, но дух от этого отвращается и хочет в благословенных трудах упражняться.

Плоть хочет гулять, пьянствовать, банкеты и пиршества устраивать, но дух от этого отвращается и хочет или умеренно жить, или поститься.

Плоть хочет славы, чести, богатства в мире этом искать, но дух все это презирает и только к одним вечным благам стремится, и прочее. Так, *плоть желает противного духу, а дух — противного плоти.*

Христианину, как обновленному, не по плоти, но по духу должно жить и плоть духу покорять по апостольскому увещанию: *Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти* (Гал. 5, 16). А это значит *распять плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), *попечения о плоти не превращать в похоти* (Рим. 13, 14), *удаляться от плотских похотей, восстающих на душу* (1 Петр. 2, 11), *ходить в обновленной жизни* (Рим. 6, 4), не позволять греху над собою царствовать (Рим. 6, 12), *жить для Христа, умершего за нас и воскресшего* (2 Кор. 5, 15).

Возлюбленные христиане! Осмотримся, ведем ли мы эту внутреннюю борьбу, находимся ли мы в этом спасительном подвиге, ходим ли в обновлении жизни, противимся ли склонностям и похотям плотским, не позволяем ли греху царствовать и обладать нами? Ибо только те Христовы, *которые распяли плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24). Что пользы называться христианином, но не быть христианином? Истинного христианина показывает не имя христианское, а подвиг против плоти и всякого греха. Не все, что плоть требует, позволять ей должно. Требует пищи, требует питья, требует одежды, требует упокоения и прочего, что ей нужно — дадим, но когда хочет того, что воле Божией и закону Его противно, — не попустим ей, дабы не только по имени, но и по сути быть христианами. Аминь.

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 10

Из воспоминаний духовных чад

(часть 3)

Беседы с Батюшкой

Помню, приехали мы к Батюшке, живем уже сколько-то времени, ходим в храм, помогаем матушке Марии. Молитва, послушание, Батюшка, его беседы, поучения – все так привычно, по-домашнему, все кругом свои. Тут приезжают другие батюшкины чада из нашего же города, и одна из них интересуется: «Девчата, вы что – домой не думаете ехать?» А я поглядела на нее: «Тетя Нина, про что Вы говорите? Куда мне нужно ехать?» – в первый момент я даже не поняла, о чем она меня спрашивает. Она замялась и ничего не ответила. Когда мы гостили у отца Виталия, было такое чувство, что мир переставал существовать – мы жили, молились, трудились и больше ничего было не надо. Мы даже не могли вообразить, что куда-то поедем, в какой-то «дом». Лишь потом, через некоторое время я пришла в себя. Думаю: «Правда, надо же когда-то и уезжать!»

Когда мы приезжали к отцу Виталию, Батюшка спрашивал: «У вас, может, какие-то проблемы?» А мы в ответ: «Отец Виталий, у нас все прекрасно!» Когда Батюшка был с нами, казалось, кругом рай земной – такая царила атмосфера! Едва мы переступали порог его кельи, все неурядицы и искушения оставались где-то позади – мы становились совершенно свободными от всех наших проблем. Но лишь только приезжали домой, как сразу вспоминали: «Ой, я забыла вот это спросить у Батюшки! А мне надо было на то взять благословение! Да что ж я? Надо было посоветоваться!..»

Вечером, перед тем, как начать беседовать с нами, Батюшка всегда усаживался на пол, скрестив ноги, и говорил нам: «Так, садитесь, садитесь рядом», – и мы все устраивались около него. То, что рассказывал Батюшка, обязательно, хоть иногда и прикровенно, касалось кого-нибудь, кто в данный момент находился в комнате – лишнего не говорилось ничего. Всегда было очень интересно, но, видимо, по действию благодати многие на его беседах засыпали. Как-то я начала дремать и слышу – Батюшка обращается ко мне:

– Мать Екатерина, ты не хочешь меня слушать?

– Ой, Батюшка, очень хочу!

Пытаюсь сосредоточиться и смотреть на него, но проходит какое-то время, и я снова медленно, но верно засыпаю. А потом лишь

только он помолится, с глаз будто спадает какая-то пелена, и сон у всех проходит.

Очень часто люди, которые работали неподалеку от батюшкиного дома, приходили к нему на беседы в свой обеденный перерыв – на час-полтора. Помню, какой-то человек бывал у нас каждый день довольно долгое время. А я так переживала за отца Виталия, так его жалела, что однажды подумала: «Ну, что он ходит каждый раз? Только Батюшку безпокоит! Сколько можно сидеть над Батюшкой?! Не приди он – отец Виталий сейчас бы отдыхал!» Подумала так, да и забыла. Мужчина ушел, а Батюшка подзывает меня и спрашивает: «Скажи, если у тебя выдастся свободная минутка, неужели ты не придешь ко мне, не сядешь и не послушаешь, что я тебе буду рассказывать?» Я ему в ответ: «Батюшка, да я бы обязательно каждый день к Вам приходила! Я б только у ног Ваших и сидела!» Он говорит: «Ну вот видишь как! Слава Богу!» Тут вдруг я вспомнила, как мысленно возмущалась на ежедневно приходившего к Батюшке брата, и попросила у отца Виталия прощения.

Как нас кормили

Когда мы приезжали на Дидубе, пища там всегда была самая простая, но голодным из-за стола не выходил никто. На обед мы обычно готовили суп (или борщ) и кашу, летом меню разнообразили овощи и фрукты.

Но однажды Батюшка Виталий с матушкой Марией сказали, что буквально перед нашим приездом у них были какие-то важные гости, и для их приема приготовили столько кушаний, что с избытком осталось – и усадили нас за стол. Вместе с нами сел отец Виталий и стал нас кормить. Начал чистить и давать всем яйца. Раздал по первому, по второму, по третьему, по четвертому, по пятому, по шестому...! Я испугалась, что с моим желудком сейчас что-нибудь случится: дома я могла съесть не больше трех яиц за один раз. И когда Батюшка передал седьмое (!) яйцо, я сказала: «Отец Виталий, простите, я больше не могу». Из всех, кто тогда приехал, я одна отказалась, а остальные продолжали кушать – за послушание. Смотрю: муж мой ест и седьмое яйцо, переданное Батюшкой, и восьмое...! Думаю: «Ему же нельзя – у него больная печень!»

Не успели мы опомниться, смотрим – мать Мария несет запеченную рыбу и огромный торт с кремом! Батюшка отрезает нам по большому куску: «Кушайте, кушайте». Ну, правда, торт я осилила, наверно, потому что сладкий...

Мы тогда не разобрались, почему нас так потчевали. А когда, по приезде домой, прошло какое-то время и начались неприятности, скорби – поняли, что не в пище было дело, не телесно отец Виталий и мать Мария хотели нас накормить: они провидели, что нас ждет, и, зная наши немощи, хотели подкрепить нас духовно.

Действительно ли были тогда у них те гости или нет – мы так и не узнали.

Прозорливость

Однажды раз за ужином отец Виталий вдруг к чему-то прислушался и спросил нас: «Вы слышите?» «Нет, Батюшка, ничего не слышим». «Ну как же вы не слышите – меня зовут!» Мы: «Батюшка, да не слышим мы ничего!» «Ну, ладно: вы кушайте – я пошел!»

Вскочил и побежал к себе в келью. Смотрим: кладет поклоны и ставит перед иконами большую свечку. Потом возвращается за стол и говорит: «Ой, какие скорби у людей! Какие скорби!» Проходит час-два – приходит телеграмма: действительно, скорби – в одной семье были очень большие неприятности. Те чада еще только отправляли ему телеграмму, а Батюшка за столько километров уже это почувствовал, провидел и пошел молиться за них.

Один раз мы приехали в Тбилиси, и Господь сподобил меня увидеть, как ночью отец Виталий постригал двух сестер, которые пришли из пустыни с Сухуми. Матушка Мария вела их под мантией – стала их духовной матерью, а все остальные (и мы в том числе) стояли со свечами и молились. Пелось еще незнакомое мне тогда красивое песнопение. На меня это произвело, конечно, очень большое впечатление: я раньше никогда не видела монашеского пострига. Сестры пробыли у Батюшки всего лишь сутки, а потом собрались, отец Виталий дал им на прощанье наставления, и мы все пошли их провожать. И когда они стали подниматься по ступенечкам вверх, отец Виталий, сделав земной поклон и благословив их, сказал нам: «Если бы вы знали, что за одной из этих матерей уже пошла смерть!» Мы стояли в растерянности, в большом испуге. Батюшке открывалось многое.

Как-то отец Виталий начал рассказывать: «Ты знаешь, сейчас у нас нет границ между республиками и билеты дешевые, но придет такое время, когда только за одну минуту междугородних телефонных разговоров вы будете платить по тысяче! А маленький тортик будет стоить миллионы!» Я знала, что из уст старца никогда ничего лишнего не выйдет, но представить себе не могла, что могу дожить до такого времени – я пожала плечами и сказала: «Да, Батюшка, может, действительно, так когда-то и будет». А он три или четыре раза подходил и говорил: «Нет, ну вы представляете: вот такой маленький пирог – он будет стоить несколько миллионов! Тысячи придется платить за переговоры! Везде границы поставят – вы сюда не заедете!» Нам это казалось тогда подобно невероятной сказке. А сейчас, когда у нас в республике деньги стали исчисляться, действительно, тысячами и миллионами, мы начали вспоминать и понимать: «Батюшка-Батюшка, так Вы ж нам об этом давно уже рассказали...».

Отец Виталий всегда нас предупреждал: «Пока не закрыли границы, приезжайте ко мне, приезжайте почаще». Он очень любил, когда мы писали ему письма, и перед отъездом обязательно спрашивал: «Так вы напишете мне? Вы будете писать?» Батюшка очень дорожил каждой весточкой от нас, интересовался любым эпизодом из нашей жизни. В те годы нам нельзя было писать ему открыто, но мы даже умудрялись иногда пересылать ему исповедь, а он прочитывал и разрешал.

О последних временах

Однажды мы приехали на помины по Владыке Зиновию. Когда началась беседа с Батюшкой, он за весь вечер ни разу не разрешил нам присесть, и все, в том числе и священники, простояли пять или шесть часов на ногах! Даже не позволил облокотиться! Сам стоял и мы вместе с ним. Это было так трудно...

Весь тот вечер он посвятил рассказу о мучениях и о последних временах: «Вот, посмотрите: над каждым мучеником ореол. Но у этого мученика красненький ободочек, а у того – золотистый. Почему так? Да потому, что этот больше перенес...». Батюшка рассказывал, как будут мучить последних христиан: «Одних будут вот так истязать, а других вот так...». Касался ли его рассказ лично нас или же это он говорил о всех христианах вообще – нам неведомо.

Помню, мы в тот вечер до того устали, что не было никаких сил! Потом посмотрели: два часа ночи – еще не ложились, а уже скоро вставать. Батюшка говорит: «Ну, все: каждый про себя кратенько помолитесь – и все спать». Мы с сестрой легли, и я сразу же уснула. И вижу во сне, будто бы подхожу к отцу Виталию и спрашиваю: «Батюшка, ну как Вы могли нас так долго продержать на ногах? Мы так устали! Нам очень трудно было стоять!» А у него лицо и строгое, и вместе с тем любвеобильное, и по-отцовски доброе. Он смотрит на меня и говорит: «Я вас заставлял стоять, чтоб вы при последнем времени все выстояли». И тут я проснулась. Потом, конечно же, рассказала матушке Марии и всем остальным, какой сон я видела.

Мы по своей немощи уставали, думали, как бы присесть, прилечь – отдых был на первом месте. А отец Виталий уже за многие годы вперед подкреплял нас.

Как-то в другой раз Батюшка рассказывал нам про гонения и голод. Но говорил, уже обращаясь конкретно к нам: «Если вы будете в лесу и увидите на кустах ягоды, смотрите – будьте внимательны: кушать можно только с того дерева или кустарника, листья или корешки которого изъедены тлей, мошками, гусеницами. А если насекомые не трогают, значит, это дерево или куст отравленные, ядовитые и вы можете отравиться!»

Перед кончиной

Когда мы приезжали к Батюшке, то никогда и не думали, что однажды он должен будет от нас уйти. Мы не могли даже и мысли такой допустить, что он когда-то отойдет ко Господу. По нашим представлениям Батюшка был вечным.

У меня постоянно болел желудок, и однажды отец Виталий сказал: «Присаживайся. Я тебя сейчас научу, как нужно его лечить». А я в ответ: «Да это ничего – у меня все пройдет». Он мягко настоял: «Нет, ты присядь и послушай. А то меня не будет – ты станешь сильно скорбеть». Сажусь рядом с ним, а сама думаю: «Ой, Батюшка, ну самое большое – десять дней Вас только и не будет!» – матушка Мария иногда увозила его на Московский, чтоб отец Виталий отдохнул там от людей и помолился. А он смотрит мне в глаза и говорит: «Ты внимательно слушай. Меня не будет – станешь скорбеть, сильно плакать! Ну как же ты так?» Думаю: «Ну что Батюшка говорит?! Я еще не уезжаю, билет мне не купили...», – я и не догадалась, что отец Виталий наме-

кает на свою кончину. А он тогда каждому под разными предлогами говорил: «Меня не станет, вы потом будете скорбеть», – но мы не могли подумать, что Батюшка так рано уйдет.

Помню, мы приехали к нему осенью. У отца Виталия стали очень болеть и отекать ноги, и он ходил на костылях. Когда он провожал нас, то сказал: «Наверно, вы меня видите таким в последний раз». Но мы тогда поняли его слова так, что в следующий наш приезд он будет ходить уже без костылей – то есть что ноги к тому времени ему уже подлечат...

А первого декабря того же года Батюшка умер.

После кончины

После похорон отца Виталия на Дидубе нас осталось около пятидесяти человек. Мать Марии тогда пришлось, конечно, очень трудно: все скорбные, растерянные, горестные; священникам нужно было возвращаться на приходы, остальным – на работу, а билетов ни на самолет, ни на поезд не было (т.к. в Грузии в то время уже началась война). Мы неделю не могли уехать и не представляли, как доберемся до дома.

Наступила ночь. Не знаю, спала я или нет. Помню, что лежала спиной к той келье, где мы обычно всегда молились, а лицом – к двери. Свет был везде потушен, горели только лампадки. Вдруг вижу: открывается дверь и заходит отец Виталий в мантии. Я думаю: «Ой, что ж мы спим?! Батюшка заходит!» – и пытаюсь просунуться между людьми, чтобы подняться – мы все лежали очень плотно друг к другу. А отец Виталий улыбается и показывает рукой: тише, мол, тише, лежи, лежи. Потом приподнимает мантию и пытается тихонько пройти между людьми, чтоб ни на кого не наступить. Вижу: заходит в келью, кладет поклоны и ставит свечи. А я думаю: «Батюшка сейчас поставит за нас свечки, и мы сегодня уедем»...

И тут слышу, как матушка Мария идет будить всех на правило: «Подъем, подъем, поднимайтесь! Молитвами святых отец наших... Матеря, отцы, поднимайтесь на молитву!» Я прихожу в себя и замечаю, что нахожусь в полусидячем положении, а все вокруг спят. Я выбегаю во двор: «Матушка Мария, отец Виталий вот только что заходил в келью! В мантии!» Все, конечно, в слезы: «Как? Что?» А я рассказываю свое видение и говорю: «Матушка Мария, у меня сразу в голове промелькнула мысль, что сегодня мы все, наконец, уедем». Она только рукой махнула: «Идите, молитесь!» – она, конечно, сильно переживала. После правила раздала нам книги, и мы весь день читали Псалтирь. Вдруг кто-то позвонил в дверь. Пришли какие-то женщины, и матушка Мария провела их в келью отца Виталия. Потом слышу – она кричит мне: «Катя, иди сюда! Матеря, все идите сюда!» Мы забегаем: «Что такое?» Она – в слезы. Говорит: «Рассказывай свой сегодняшний сон!» Я рассказала, что видела отца Виталия: он прошел в келью, стал молиться, и я сразу поняла, что мы уедем. Она говорит: «Вот пришли рабы Божии – одна с аэропорта, а другая с железнодорожного вокзала – и принесли билеты. Кому куда ехать?» Даже по смерти Батюшка пекся о нас.

> *Утром и вечером молитесь, у папы и мамы берите благословение и в Божий храм всегда поспешайте и получите вечную жизнь со избранными.*
>
> *Из писем схиархимандрита Виталия*

Было решено, что священники с семьями полетят самолетом, а мирские отправятся поездом. Едем мы в аэропорт, а там нам объясняют, что кругом полнейшее безправие: на какое число билеты – это не важно. Кто первый садится в самолет, тот и летит. Сидим мы день, сидим два – самолет задерживается: нелетная погода. К матушке Марии мы уехать не можем, потому что боимся, что вот-вот прилетит самолет и билеты тогда пропадут. Наступает ночь. Спали, кто где мог. Вдруг я просыпаюсь и вижу, как один священник, что летел с нами, упал на пол и ползет по-пластунски. Я ничего не понимаю и думаю: «Что случилось? Или мне это снится?» А, оказывается, из Абхазии в Тбилиси начали самолетами привозить на отдых боевиков. Солдаты прилетели и принялись безчинствовать в аэропорту: пускать в разные стороны автоматные очереди. Пули свистят, летят, от колонн отбиваются куски мрамора – для нас это было очень страшно, ведь мы никогда не видели войны. Тот священник показывает нам: мол, падайте тоже на пол – нас могло всех поубивать. Мы падаем и по-пластунски расползаемся по углам, чтобы хоть как-то спрятаться. И начинаем слезно просить отца Виталия о помощи.

Через некоторое время стрельба прекращается. Но в комнаты отдыха все равно никого не пускают. Люди все ходят туда-сюда. Мы снова начинаем просить Батюшку: «Отец Виталий, помоги! Мы уже устали...» Вдруг подходит к нам женщина и говорит: «Забирайте всех своих и пойдемте со мной». Привела нас в комнату – чистую, теплую – согрела нам чайник, дала два кусочка сахара. В тот момент мы ощутили, что, действительно, кругом война – мы были рады даже кружке кипятка и двум кусочкам сахара на всех.

Но никто из нас не роптал, не обижался, не жаловался. Даже и разговора не велось о том, что зря приехали на похороны, теперь вот не можем улететь. Мы понимали, что это чудо – Господь сподобил нас побывать на погребении отца Виталия, видеть те чудеса, которые там были...

Потом прилетел самолет, и мы начали друг с другом заранее прощаться, потому что в аэропорту творилось страшное. Затем наши батюшки стали в цепочку, между собой поставили нас, женщин, мы все взялись за руки и пошли прорываться на посадку. Первый батюшка нас «ввел», а за ним втянули всех остальных – штурмом брали самолет, но, слава Богу, все обошлось благополучно. Когда мы уже взлетели, то возблагодарили Бога и отца Виталия, ведь многие из тех, кто был с нами в аэропорту, так и остались там. Не знаю, что с ними потом стало... А мы по батюшкиным молитвам благополучно долетели и приземлились.

О богоугодной молитве

ВОПРОС: *Все ли наши молитвенные прошения слышатся Богом?*

ОТВЕТ: На эту тему есть одна весьма назидательная повесть о святителе Николае.

В царское время жил некий конокрад. И хотя он по своему занятию был вор, но, как христианин, все же иногда молился. И вот однажды этот конокрад увидел замечательную тройку лошадей, которую непременно захотел угнать. Как на беду, хозяин оказался человеком состоятельным и весьма осторожным. После нескольких неудачных попыток конокрад понял, что угнать лошадей ему не удастся. Что делать? Нужно только молиться. Пошел в церковь, купил большую свечку, поставил перед иконой святителя Николая, зная, что он скорый помощник на всякое дело, и начал молиться и просить: «Святитель Николай! Помоги мне угнать эту тройку! Трудно мне, никак я не могу ее подстеречь!» Помолившись усердно, он пошел на свое дело, и оно ему удалось.

Выгнав лошадей за город, конокрад поскакал в селение. Прошло немного времени, вдруг сзади послышался шум – конский топот. Оглянулся, а это его догоняют верховые всадники. Ну, все, пропал!.. Наверняка догонят, потому что верховые бегут быстрее, чем тройка. Безвыходное положение – везде поле, нигде нельзя скрыться. «Господи, помоги! Святитель Николай, помоги, потому что плохо дело будет мне!» – взмолился вор и давай что есть силы нахлестывать лошадей...

Впереди показался крутой поворот дороги – конокрад чуть приостановился, чтобы не перевернуть упряжку. Вдруг видит: навстречу идет старичок и показывает на какой-то бугор: «Вон туда, туда! На обочину дороги! Спрыгивай с тройки и там можешь спрятаться!» Беглец это понял, спрыгнул с тройки, и – скорее к этому «бугру», а тройка поскакала дальше. Подбежал, смотрит: это павшая лошадь. Она уже начала разлагаться, раздулась вся, смрад стоит страшный. Но делать нечего, пришлось под нее лезть. Спрятался и лежит, ждет. Всадники проскакали, старичок зовет: «Вылезай, уже проскакали твои гонители». Вылез конокрад из своего «убежища», отдышаться не может: «Фу-у-у! – говорит. – Какая мерзость! Чуть не задохнулся от этого смрада!» А старичок ему в ответ: «Вот так же мне и твоя свечка, которую ты поставил, и начал просить меня, чтобы я помог тебе угнать лошадей».

Старичок стал невидим. А пораженный чудом вор начал горько раскаиваться: «Прости меня, Господи! Прости, святитель Николай, что я так оскорбил тебя своей негодной молитвой!» Потом пошел в церковь и рассказал батюшке, каким образом святитель Николай вразумил его и привел к покаянию.

Подобным образом и нам нужно быть внимательными, чтобы не просить у Бога помощи на какие-то небогоугодные дела. Господь слышит все наши молитвы, все наши высказанные и невысказанные желания, но только нам самим нужно стараться не оскорблять величие и праведность Божию не только какими-то своими нехорошими делами, но даже и молитвами.

ВОПРОС: *А как правильно расценивать неисполненные молитвенные просьбы? Значит ли это, что они не угодны Богу?*

ОТВЕТ: Это не всегда так. Это – судьбы Премудрого Промысла Божия, и не нам судить «отчего», «зачем» и «почему». Но, надо сказать, что мы (сами того не осознавая) очень часто бываем похожи на малых детей: наши прошения оказываются настолько легкомысленными, что не исполняются любящим нас Богом ради Его любви к нам.

По этому поводу уместно привести рассказ одной женщины о своем духовном отце. Этот умудренный житейским опытом пастырь, желая на примере показать, какое у нас порой бывает духовное неразумие, рассказал о себе следующую историю. В детстве ему часто приходилось видеть, как его дедушка вынимает изо рта необыкновенно красивые зубы (такие ровненькие, беленькие), на ночь кладет их в стакан с водой, а утром снова надевает. Эти «необыкновенные» зубы очень понравились

мальчику, и он начал молиться: «Господи, и я хочу такие же! Дай мне такие зубы, как у моего дедушки!» «А когда я вырос, – рассказывал впоследствии батюшка, – узнал, в чем дело, – какие это "зубы", – то сказал: "Слава Тебе, Господи, что Ты не послушал моих молитв и не дал мне того, чего я у Тебя просил!"» Так что вот такие бывают случаи.

Конечно, существуют еще и такие молитвы, в которых мы просим вроде бы и доброго дела, и душеполезного, но не можем этого получить. Помню, рассказывал о себе один человек. Он много лет просил Господа об одном и том же, но не получал. Сначала думал: почему? «А потом, – говорит, – заметил: когда я кое-что получал, то не мог правильно принять этот дар, не мог его усвоить – именно со смирением его принять и сохранить. Как только эта милость Божия начинала действовать, тут же появлялось надмение, самодовольство, уничижение ближних... И все – этот дар отнимался». А он ***нужен*** для спасения. Но, несмотря на это, Господь отклонял сие прошение по причине того, чтобы страсти гордости, самомнения и превозношения не навредили душе этого человека.

Так что, как видим, ***везде и во всем*** проявляется Премудрый Господень Промысл.

ВОПРОС: *В таком случае – если существует опасность ошибиться в прошениях – может, вовсе не стоит обращаться к Богу с «личными» молитвами?*

ОТВЕТ: Такое мнение – тоже крайность. Мы должны всю свою душу изливать в молитвах, но при этом ***предавать себя в руки Божии***. Как говорит святитель Феофан Затворник, мы должны каждое свое прошение заканчивать приблизительно такой молитвой: «Господи, вот я излил свою душу пред Тобой, а Ты как Всесовершенный, Всемогущий и Любящий Отец, имиже веси судьбами устрой мое спасение. Как знаешь, как хочешь, но только спаси меня от самого себя – от моих грехов, страстей и от моего безумия. Имиже веси судьбами устрой мое спасение!» Этими словами, т.е. преданием себя в руки Господа, как Любвеобильного Отца и Всесовершенного Бога, должна заканчиваться каждая наша молитва.

И действительно, мы должны верить Богу как Богу, надеяться на Бога как на Бога и знать, что ***Ему все возможно***. И эта наша вера должна оставаться непоколебимой даже и тогда, когда нам кажется, что вроде бы нет явных проявлений помощи Божией в какой-либо нашей нужде.

К сожалению, многие люди сегодня говорят и думают примерно так: «Вот мы молимся-молимся, а толка никакого нет! Бог нас не слышит». Особенно часто это бы-

вает с матерями, которые молятся о своих заблудших детях. Они, видя, в каком бедственном состоянии находятся их дети, молятся об их вразумлении, а положительных сдвигов якобы нет. И они начинают изнемогать в вере. Чаще всего ослабляют молитву или бросают ее совсем, а то даже и ропщут на Бога: «Вот я молилась, а Бог не слышит и не исполняет моих желаний!» И бывает, что даже вовсе теряют надежду на Бога. Но это, конечно же, большая ошибка.

По этому поводу мне вспоминается рассказ отца Н. из Почаева. У одной матери был единственный сын. Вернувшись из армии, он начал жить распутно: пить, гулять, увлекаться наркотиками. Мать была верующая и старалась, как могла, вразумить его. Но сын, вместо того, чтобы вразумиться и исправиться, начал ее оскорблять, а потом даже еще и избивать. Мать, конечно же, сильно скорбела. Молилась, ходила в храм, раздавала милостыню, просила, чтоб за ее сына молились. Много лет прошло, а у сына никакого изменения – еще хуже стал. Она вся в слезах идет к батюшке: «Батюшка, что мне делать?» Он ей в ответ: «Молись. Господу все возможно». Проходит время, она опять идет к батюшке: «Батюшка! Никакого изменения нет. В чем дело? Не слышит меня Господь, не принимает моих молитв». Начала смущаться, колебаться. Батюшка ей говорит: «Молись. Господу все возможно». Через некоторое время эта женщина сильно заболела – уже слегла на смертный одр. Призвала батюшку: «Батюшка, я уже, может быть, даже и умру, а Господь-то не слышит моих молитв!..» Батюшка ее утешал, как мог... Но она все-таки осталась со скорбью, потому что видела, что сын пребывает в бедственном состоянии.

И вот в тот день, когда Господу было угодно забрать страдалицу-мать из жизни, сын пришел домой, как всегда, «навеселе»... Пришел, глянул, а его мать уже умерла. И вдруг он как бы «проснулся»: «Что же я сделал! Ведь я сгубил свою мать! Как она страдала, сколько я зла причинил ей! Ведь это я загнал ее во гроб...» Настолько близко он принял это к сердцу, что у него произошел полнейший переворот в сознании: начал плакать, окаявать себя, пошел в церковь и там принес глубокое, искреннее покаяние. С тех пор он обратился к вере и начал жить благочестиво – стал настоящим рабом Божиим.

Вот такой случай. И хотя мать, казалось бы, не увидела этого благого плода при жизни, но, тем не менее, ее молитва не осталась безплодной. Так что и мы не должны отчаиваться и смущаться тем, что Бог якобы не слышит нас и ничего не предпринимает в каких-то тяжелых для нас обстоятельствах. Все происходящее в нашей жизни делается Премудростью Божией, до которой человеческий разум не может додуматься. Потому мы должны чтить Бога как Бога, и все наши дела предавать Ему, а не пытаться сделать их только своим умишком.

И это очень важно – научиться предавать себя и наших ближних, и все обстоятельства нашей жизни ***в руки Божии***. Потому что это очень большой грех – не чтить Бога как Бога. А мы этого греха почти не осознаем. Об этом говорит святитель Игнатий Брянчанинов – что мы часто не почитаем Бога как Бога. Такое проявление

бывает даже и во время молитвы, что весьма скорбно.

В качестве примера – к чему может привести такое безрассудное, дерзкое поведение – расскажу еще один случай о материнской молитве. Дело было в Почаеве. Жили мать и сын. Сын пошел в армию, и там с ним произошло несчастье: какая-то кислота брызнула в глаза, и он ослеп. Его лечили в госпитале, но безрезультатно – домой он вернулся слепым. Мать, конечно же, была в шоке: молодой парень, а уже инвалид. Начала молиться, начала просить Господа, чтобы сын прозрел. Начала чаще ходить в церковь, ездить по монастырям, раздавать милостыню, просить всех, чтобы Господь исцелил ее сына. Через некоторое время Свыше ей дано было вразумление: «Не плачь так. Твоему сыну не полезно быть зрячим. Лучше ему быть таким, какой он есть». Но мать не приняла этого вразумления, а продолжала молиться. Она просто требовала: «Матерь Божия, исцели его!» Через некоторое время ей опять было дано вразумление: «Не полезно ему». Но она все равно продолжала настаивать: «Нет, Матерь Божия, исцели! Тебе возможно!» В Почаеве от иконы Матери Божией были многие исцеления, поэтому она с таким укором обращалась к Матери Божией: «Если Ты других исцеляешь, почему Ты не исцеляешь его? Других исцеляешь, а его не исцеляешь!» И с такой, значит, требовательностью, с таким напором: «Исцели его – и все!»

И вот однажды в какой-то праздник освятили в храме воду и начали окроплять ею людей. Брызнули и на этого молодого человека. Он утерся этой водой и начал видеть – лучше, лучше. Промыл глаза и исцелился (насколько полным было исцеление, конечно, неизвестно, но, по крайней мере, он сам уже мог ходить).

Мать была в восторге!.. Но эта ее радость очень скоро кончилась. Как только сын пришел домой, он увидел, что обстановка в их доме изменилась. Раньше обстановка в их доме была хорошая, а мать ради его исцеления все продала и раздала на милостыню: и ковры, и пианино, и другие хорошие вещи – ну, все, что имела ценного. Сын, увидев это, вспыхнул гневом: «Что ты сделала?! Ты нас нищими сделала! Как я теперь буду жить?!» С тех пор он восстал на мать. Начал ее бить, начал над ней издеваться, запил. И до того доходило дело, что бегал за ней с топором вокруг дома, кричал: «Я тебя убью!» И потом, через некоторое время, она, действительно, умерла. А как?.. Хотя говорят, что «не пойман – не вор», но похоже, что он ее и убил.

Ежедневно в церкви на ектениях мы слышим: «...сами себе и друг друга и весь живот наш ***Христу Богу предадим***». Если же мы упорствуем, настаиваем на ***своих*** мнениях и желаниях, то вот чем это упорство может окончиться. В данном случае эта женщина через свою неумеренную материнскую любовь, быть может, погубила душу своего сына. Неполезно ему было то, что она ему испрашивала, Господь устроил образ спасения этому юноше наилучшим способом, а она считала, что это не так. И вот такие получились печальные последствия.

> *Говоря: да будет воля Твоя, не о том молимся, чтоб Бог делал что хочет, но о том, чтоб мы могли делать, чего хочет Бог.*
>
> *Сщмч. Киприан*

Помоги нам, Господи, потому что мы, действительно, грешим во многом – грешим даже и самой молитвой. Так что надо быть очень внимательными, и если замечаем в себе что-то такое, то тут же нужно каяться, смиряться и исправляться. Как вот пришлось однажды слышать, как некая женщина говорила: «Я молитвой могу выпросить у Бога все, что хочу. Бывает так: я молюсь о чем-то – не получаю. Но я прошу: "Господи, мне очень хочется, дай мне это". Через некоторое время получаю. Потом возникает другое желание. Я знаю, что, может быть, Господь не хочет мне этого дать, но мне все-таки очень хочется. И я прошу, прошу, прошу: "Ну, Господи, ну мне очень хочется! Дай мне это!" И через некоторое время Он дает». И вот мне подумалось, что как бы, действительно, это не довело ее до того, что было с той, прежде упомянутой женщиной. Потому что так вести себя с Богом нельзя.

Конечно, Господь терпит наше неразумие и удовлетворяет многие наши желания, даже и неполезные для нас. Но Он ждет, чтобы мы научились предавать себя Ему в руки. Чтобы мы всю свою и временную, и вечную участь, и все наши жизненные обстоятельства полностью предали бы Ему, т.е. почтили Его, как ***Истинного Бога*** – Всепремудрого и Всесовершенного.

ВОПРОС: *Из приведенных примеров следует, что настойчивая молитва может быть греховной. А если душа просит чего-то необходимого для спасения? Один человек, к примеру, просит, чтобы Господь не забирал его из этой жизни неготовым. У другого могут быть другие просьбы. И как здесь разобраться правильно? Если эти просьбы как бы «не слышатся» Богом, то может ли человек продолжать молиться? Такая настойчивость не грех? Или же к вышеприведенным случаям (с настойчивыми женщинами) это не относится, поскольку это разные примеры?*

ОТВЕТ: Конечно, это разные примеры. Каждый случай нужно рассматривать отдельно, потому что под общими фразами можно подразумевать разные вещи. А если говорить конкретно о случае, когда кто-то просит у Господа: «Господи, не забирай меня из этой жизни неготового», – продолжать молиться об этом можно. Но внутри себя надо знать, что лишь одному Господу ведомо, когда кого забрать из этой жизни. И если случится, что таковой человек вдруг окажется перед лицом смерти, то и тогда ему нужно будет только сказать: «Господи, хоть я и думал, что я все-таки еще поживу, но если в этот момент Ты меня уже забираешь отсюда, то я верю Тебе, что Ты счел нужным забрать меня именно в этот момент. Ты лучше меня знаешь, в какой момент меня нужно забрать из этой жизни». Нужно ***твердо верить Богу***, чтобы не допустить ропота. Потому что в момент смерти, перед лицом смерти,

можно возроптать на Господа: «Вот, я хотел еще пожить, я не готов, а Ты меня уже забираешь». Это неправильно по отношению к Богу, потому что Господь ***знает***, когда кого нужно забрать, знает, ***когда*** человек готов, и Он забирает именно «готового».

И вообще, говорят, что умирают не старые и не больные, но готовые – готовые или к аду, или к раю. Это значит, что человек уже не может продолжать жить дальше, он уже находится как бы на верхней точке своих возможностей. Добродетельный уже не может дальше преуспевать, потому что дальше у него пойдет уже спад: или самомнение, или надмение, или что-то подобное. Или если человек настолько утвердился во зле, что он уже не может обратиться к покаянию, а способен лишь умножать зло для себя и для других – тогда Господь зачастую забирает его из этой жизни ради других, чтобы он не причинял зла окружающим...

ВОПРОС: *Значит, мы должны в любом случае предавать себя в руки Божии?* ***В любом****, да?*

ОТВЕТ: Конечно, ***В любом случае*** мы должны предавать себя в руки Божии и чтить Бога как Бога – что Он Всеблагой, Всесовершенный и Любящий. Бог есть Любовь. И если мы с любовью и доверием относимся к Нему, то мы ***усваиваем себе Его любовь***. Если же мы относимся к Нему со смущением, недоверием, недовольством, ропотом и прочей враждебностью, то через это мы ***повреждаем себя*** и становимся ***неспособными*** принять и усвоить себе Его Божественную любовь. А что это значит, думается, понятно каждому. Так что, помоги всем нам, Господи.

Любвеобильные к другим и строгие к себе

Как мы уже рассказывали читателям «Задонского паломника», наиболее почитаемые подвижники благочестия из числа монашествующих и мирян, опочившие в Задонске, до 1930 года были упокоены в так называемой «Митрофановой пещере» – усыпальнице, устроенной под алтарем Вознесенской трапезной церкви Задонского Богородицкого мужского монастыря. А именовали усыпальницу так в память о том, что на месте этом некогда стояла келья друга и сотаинника свт. Тихона – схимонаха Митрофана. Отец Митрофан был здесь и похоронен – в пещерке-погребе, ископанной им для уединенной молитвы под полом своей одиноко стоявшей схимнической кельи. Позже, радением почитавших праведного старца, святое место отметили установкой часовни, которую, спустя некоторое время, «изрядно распространили». В часовне этой и стали погребать тех, кто при жизни земной отмечен был печатью Духа Божия.

О некоторых из подвижников Задонских, покоившихся под сенью «Митрофановой пещеры», известно немало. В ряде предыдущих номеров «Задонского паломника» за 2002-2004 годы были помещены материалы, повествующие о жизненном пути и подвигах духовных **схнигумена Евсевия (Евфимия II), схимонаха Митрофана, иеросхимонаха Агапита, Антония Алексеевича, Христа ради юродивого Задонского, старицы Евфимии Григорьевны Поповой, архиепископа Каменец-Подольского Антония (Соколова), иеросхимонаха Нафанаила, затворника Задонского Георгия.**

А вот подробности жития также погребенного некогда под сенью «Митрофановой пещеры» **иеросхимонаха Авраамия** сокрыты ныне от нас завесой времени. Сей достойный муж, усопший 10 июля 1852 года, на 92-м году жизни, происходил из купеческого сословия и был уроженцем города Задонска. При жизни на протяжении многих лет нес нелегкое послушание, будучи духовником братии. Отличался мудростью и глубоким смирением, назидая не столько наставлениями, сколько примером своей благочестивой жизни.

Но чтили молитвенно в Задонском Богородицком монастыре память не только тех, кто покоился в усыпальнице под алтарем Вознесенского храма и был как местночтимый подвижник благочестия внесен в общероссийские святцы. Мы уже рассказывали об иноках Феофане-простеце и Никандре Бехтееве, явивших жизнью своей пример смирения и безропотного послушания. Можно назвать и иные имена, что поминались в Задонской обители во имя Пресвятой Богородицы как образцы благочестия.

Иеромонах Павел смиренномудрый. Был келейником у схимонаха Митрофана, а впоследствии – братским духовником. Скончался 19 мая 1837 г. Погребен был с правой стороны Митрофановской часовни (у северной внешней стены алтаря Вознесенской церкви).

Иеромонах Ириней. Происходил из духовного сословия, сын диакона, уроженец села Оскочное Задонского уезда. В монашество пострижен в 1831 году. 15 августа 1834 года рукоположен в иеромонаха высокопреосвященным Антонием II (Смирницким). 16 августа 1838 года награжден набедренником. Отличался глубоким истинным смирением, разумной молчаливостью, строгой нестяжательностью, усердным послушанием. Более двадцати шести лет находился в должности гробового иеромонаха при гробе свт. Тихона и каждодневно служил раннюю литургию. Более пяти лет был

общим духовником братии. За пять дней предузнал свою кончину, а отошел ко Господу 1 мая 1863 года. Погребен был у северной внешней стены алтаря Вознесенской церкви, рядом с иеромонахом Павлом.

Иеромонахи Анатолий и Иларий жили в Задонской обители в первой половине XIX столетия; тут же они и закончили свой земной путь.

Как сообщает иеромонах Геронтий: «Благочестивые и благоговейные иеромонахи Анатолий и Иларий происходили из купеческой фамилии города Ливен Орловской губернии; отличались смирением, нестяжательностью и делами христианского милосердия. Они духовно воспитывались под руководством добродетельного и опытного в духовной жизни старца, общего духовника братского, иеромонаха Павла, бывшего любимым учеником схимонаха Митрофана, друга и сподвижника свт. Тихона. Любовь их к ближним была истинная. Каждый нуждающийся «пришлец» и бедный житель города Задонска обращался к ним со своею нуждою и получал необходимое. Во избежание же суетной молвы они имели у себя очень близкого и тоже с сострадательным сердцем некоего купца, торговавшего в Задонске всем необходимым. Обращавшиеся к ним с просьбами получали от них записки к купцу, и по этим запискам купец давал, что нужно, а старцы уплачивали. Эти-то истинные иноки обратили внимание и на пришелицу-нищую (Матрону Наумовну Попову), которой, ради Господа, много лет помогали советами и материальными своими средствами, а через нее и другим многим, нуждающимся в посторонней помощи. Любовь народная и доселе благословляет их память».

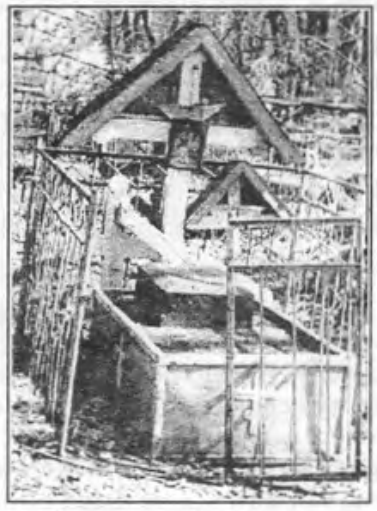
Благочестивые старцы один за другим почили сном праведным в 1822 году.

Иеромонах Димитрий был казначеем монастыря. Отличался праведною жизнью. Скончался в 1830 году.

Иеромонах Корнилий. Отличался праведною жизнью. «Об о. Корнилии сохранилось мало сведений».

Иеромонахи Анатолий, Иларий, Димитрий, Корнилий были погребены все четверо в общем склепе, «нарочито для них устроенном», с северной стороны теплого храма во имя Рождества Богородицы.

Строго-разумный инок Аарон. Он замечателен по следующему обстоятельству. Преосвященный Тихон однажды вознамерился выехать из Задонского монастыря в Новгородскую епархию, по многократному приглашению преосвященного С.-Петербургского митрополита Гавриила, предлагавшего ему Валдайский Иверский монастырь, близ родины святителя, или другой какой, с полным управлением. Отец Аарон, случайно узнав от келейного о намерении преосвященного Тихона, сказал: «Напрасно! Матерь Божия не велит ему выехать отсюда!» Святитель,



Так называемая «Святая могила» на Задонском городском кладбище, где до 1993 года покоились останки Задонских местночтимых подвижников благочестия (фото 1992 г.)

услыхав это, спросил: «Точно ли такие слова говорил о. Аарон?» Келейник ответил: «Точно так говорил». «Ну, я же, – сказал святитель, – и не поеду отсюда». Разодрал просьбу и, размыслив зрелее о сделанном уже решении судьбы своей, сам признал свои открытые мысли искушением; освободился от них молитвами и описал их очень живо в одной статье своей «Сокровища Духовного» под заглавием: «Вода мимо текущая».

Отец Аарон впоследствии был в должности казначея монастыря и похоронен подле прежней большой церкви (сломанной в 1845 г.), с южной стороны при входе.

Нельзя не упомянуть и имена тех, кто своими трудами положил начало славной обители во имя Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

По преданию, частично подтверждаемому записью в Писцовых книгах Засосенского стана Елецкого уезда, основателями Задонского (первоначально – Тешевского) монастыря во имя Сретения иконы Божией Матери Владимирской (ныне именуемого Рождество-Богородицкий мужской монастырь) были **старцы Кирилл и Герасим**, выходцы из Московского Сретенского монастыря. По благословению, предположительно, священномученика Патриарха Гермогена, в тяжелую годину Смутного времени (около 1610 года) направились они «с намерением основать монастырь» в места, где в 1395 году чудесным явлением Пресвятой Богородицы остановлены были угрожавшие Руси полчища Тамерлана, уже разорившие Елец. Избрав для устроения новой монашеской обители холм при впадении в Дон малой лесной речушки Тешевки, они поставили здесь церковь во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери, обезпечив ее всем необходимым. «**За рекою ж за Доном: монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом; ограда древена, ворота простые затворные на монастырь. А в монастыре церковь во имя Пречистые Богородицы Сретения Владимирския иконы; а в церковь поставленье и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье – дву старцев Кирилла и Герасима; да в монастыре же келлий: келья черного попа Геласия; келья старца Мисаила; келья старца Иева; пашни монастырские паханые 6 чети да перелогом да дикого поля 11 четвертей. И обоего пашни монастырские паханые и перелогом и дикаго поля добрые земли 21 четь в поле, а в дву по тому ж; сена нет**», – сообщает Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 гг.

Известная в XIX веке запись в заупокойном синодике Задонского Богородицкого монастыря позволяет предполагать, что старцы Кирилл и Герасим, достигнув высшей ступени монашества – схимы, окончили свои дни в стенах основанного ими монастыря и на святой его земле были упокоены. Иного о них не известно. Неизвестно и место их погребения.

Л. МОРЕВ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкопывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на Небеси... идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше... Никтоже может двема господинома работати. Не можете Богу работати и мамоне. (см. Мф. 6, 19-24).

1. Не люби приобретать себе ненужных или лишних вещей.

2. Если богатство течет к тебе, то не прилагай к нему сердца, а держи его в будущем своем отечестве.

3. Управляй своим имением с таким равнодушием, что как бы не имел оного; посему делай всевозможные дела любви и милосердия, и если что потеряешь или чего лишишься через отнятие другими, нисколько не огорчайся.

4. Если хочешь быть совершенным и имеешь силу пребывать в произвольной нищете и лишениях, то возлюби сию нищету и лишения.

(Продолжение. Начало в № 22-42)

1. Рассказывали об Авве Хоме, что он, умирая, сказал сыновьям своим: не живите вместе с еретиками, не знакомьтесь с людьми знаменитыми, не простирайте рук ваших, чтобы собирать, но охотнее простирайте руки ваши, чтобы раздавать.

Спросили Авву Исаию: что есть сребролюбие? Он отвечал: неверие Богу в том, что Он печется о тебе, ненадеяние на обетование Божие и любовь к гибельным удовольствиям. Авва Исидор Пелусиот сказал: ужасная страсть корыстолюбия, на все дерзая и ни в чем не зная сытости, увлекает обладаемую ею душу в глубину зол. Посему будем изгонять сию страсть в самом ее начале. Ибо, усилившись, она становится непобедимой.

Авва Исидор, пресвитер, говорил: если любишь Царство Небесное, презирай богатство и ищи воздаяния Божия.

Мать Синклитикия говорила: собирающие земное богатство, подвергаясь трудам и опасностям на море, хотя бы и много приобрели, желают еще большего, за ничто почитают то, что имеют, и стремятся к тому, чего не имеют. А мы, руководясь страхом Божиим, ничего такого приобретать не желаем, хотя бы не имели и необходимого.

Брат просил Авву Серапиона: дай мне наставление. Что могу я тебе сказать? – отвечал Авва. – Разве то, что ты взял имущество вдов и сирот и положил его на этом окне. А пред глазами старца было окно, заваленное книгами.

2. Рассказывали об одном старце Фиваидском Авве Антиане. В юности своей он много подвизался, но в старости ослабел и ослеп. По причине его болезни братия много доставляли ему утешения и даже клали ему в рот пищу. Однажды спросили они Авву Аио: что будет за это многое утешение? Он отвечает им: уверяю вас, что если сердце его желает сего утешения и охотно принимает, то, если он съест и один финик, Бог уменьшает за оный награду за труд его. Если же сердце его не желает утешения, и он неохотно приемлет утешение, то Бог сохраняет труд его целым, потому что его принуждают против воли. А братия получат награду.

Рассказывали об Авве Геласии, что он еще с юности проводил бедную и пустынническую жизнь. В это же время и в тех же местах весьма многие вели с ним одинаковую жизнь. Между ними был один старец, самый простой и бедный, который жил до смерти своей в уединенной келье, хотя в старости своей имел учеников. Он до конца жизни соблюдал то подвижническое правило, чтобы не иметь двух хитонов и не заботиться со своими учениками о завтрашнем дне. Когда Авва Геласий при помощи Божией устроил общежительную обитель, жертвовали ему большими полями, и заводил он также для нужд общежития рабочий скот и волов: ибо Тот, Кто древле внушил святому Пахомию устроить общежительную обитель, помогал и Авве Геласию во всем устроении монастыря. Вышеупомянутый старец, искренне любящий Геласия, видя его в сих заботах, сказал ему: боюсь, Авва Геласий, как бы ум твой не прилепился к полям и прочему имуществу общежития. Авва Геласий отвечал ему: скорее ум твой прилепится к шилу, которым ты работаешь, нежели ум Геласия к стяжаниям.

3. Двое из отцов просили Бога открыть им, в какую они пришли меру. И был им голос с неба: в таком-то селении Египетском есть один мирянин по имени Евхарист, и жена его называется Марией. Вы еще не пришли в меру их. Два старца, собравшись, пошли в селение, спросили о них; и нашли келью Евхариста, и в ней жену его. Где муж твой? – спросили они ее. Она отвечала: он пастух и пасет овец.

И приняла их в келью свою. Вечером возвратился Евхарист с овцами. Увидев старцев, он приготовил им трапезу и принес воды обмыть ноги их. Старцы говорят ему: не вкусим ничего, пока ты не расскажешь нам о своей жизни. Евхарист со смирением только и говорил им: я пастух, а это жена моя. Старцы продолжали просить его, но он не хотел говорить. Тогда старцы сказали: Бог послал нас к тебе. Услышав слово сие, Евхарист убоялся и начал рассказывать им: вот овец сих мы получили от своих родителей, и если по милости Божией бывает какой прибыток от них, делим их на три части: одну для бедных, другую для странников, а третью для собственного употребления. С того времени, как взял я себе жену, мы не осквернялись, и она доселе дева. Каждый из нас спит особо; по ночам носим мы власяницы, а днем свои одежды. До сих пор об этом не знал еще ни один человек.

Авва Евпрепий говорил: все плотское есть брение. Кто любит мир, тот любит преткновения. Посему, если иногда случится нам что-нибудь потерять, то должны принимать это с радостью и благодарностью, освобождаясь через то от забот.

4. Сокровище монаха, – говорил Авва Иперехий, – есть произвольная нищета. Брат, собирай себе сокровище на Небесах: ибо будешь наслаждаться им в безпредельные веки.

Авва Андрей говорил: монаху приличны сии три подвига: странничество, бедность и молчание в терпении.

Спросили однажды блаженную Синклитикию: произвольная нищета есть ли совершенное благо? Она отвечала: да! Она совершенное благо для имеющих силу пребывать в ней. Ибо живущие в нищете, хотя и имеют скорбь во плоти, но спокойны духом. Чтобы вымыть твердое платье, надо мять его и сильно выжимать; так и крепкая душа через произвольную нищету еще более укрепляется.

Авва Нил говорил: иди, продай имение твое и раздай нищим, возьми крест и отвергнись самого себя, дабы мог ты молиться без развлечения.

Авва Макарий говорил: если для тебя поношение как похвала, бедность – как богатство, недостаток – как изобилие, ты не умрешь. Ибо не может быть, чтобы правоверующий и подвизающийся в благочестии впал в нечистоту страстей и демонское обольщение.

Один брат спросил Авву Пимена: я получил наследство, что мне с ним делать? Старец говорит ему: ступай и приди ко мне через три дня; тогда скажу тебе. Брат пришел в назначенное время, и старец сказал ему: что сказать тебе, брат?

Преподобный Антоний Великий

Если скажу тебе: отдай свое наследство в братскую трапезу, там делают вечери; если скажу: отдай родственникам, – за это не получишь никакой награды. Если же скажу: отдай нищим, – ты оставишь это без внимания. Итак, делай, что хочешь. Мне до этого дела нет.

Авва Макарий, находясь в Египте, застал однажды вора с мулом, который грабил имущество его. Старец, как бы посторонний, подошедши к вору, навьючивал вместе с ним мула и, с совершенным безмолвием выпроводив его, сказал: *ничтоже бо внесóхом в мир сей: я́ве, яко нижé изнести́ что можем* (1 Тим. 6, 7). *Господь дадé, Господь отъя́т: яко Господеви извóлися, тако бысть* (Иов. 1, 21) Благословен Господь во всем!

Авва Кассиан сказывал: один сенатор, отказавшись от мира и раздав свое имение бедным, оставил некоторую часть для собственного употребления, ибо не хотел смирить себя до совершенного отречения и точного подчинения общежительному правилу. Святой Василий изрек ему такое слово: ты и сенатором перестал быть, и монахом не сделался.

Один брат, отказавшись от мира и раздав свое имение нищим, оставил несколько для собственного употребления и пришел к Авве Антонию. Старец, узнав об этом, сказал ему: если ты хочешь быть монахом, то иди в такое-то село, купи мяса, обложи им нагое тело свое и так приди сюда. Когда брат это сделал, то собаки и птицы терзали тело его. По возвращении к старцу сей спросил: исполнил ли он его совет? Брат показал ему израненное тело свое. Святой Антоний сказал ему: так нападают демоны и терзают тех, которые, отрекшись мира, хотят иметь деньги.

Авва Иоанн из Келлий рассказывал: была в Египте одна блудница, прекрасная собой и очень богатая: к ней ходили люди знатные. В один день пришла она в церковь и хотела войти в нее, но иподиакон, стоявший у дверей, не допустил ее, говоря: ты недостойна войти в дом Божий, потому что ты нечиста. Они начали спорить. Епископ, услышав шум, вышел. Блудница сказала ему: иподиакон не пускает меня в церковь. Епископ отвечал ей: нельзя тебе войти, потому что ты нечиста. Пораженная сим, блудница говорит ему: я не стану блудодействовать. Тогда Епископ сказал ей: если ты принесешь сюда свое имение, тогда поверю, что ты не будешь грешить. Когда блудница принесла свое имущество, епископ взял и бросил его в огонь. После того блудница со слезами вошла в церковь и сказала: ежели здесь так поступили со мной, то что буду терпеть там? Она раскаялась и сделалась сосудом избранным.

Авва Феодор Фермейский имел у себя три хорошие книги. Пошел он к Авве Макарию и говорит ему: вот у меня есть три хорошие книги, и сам я получаю от них пользу, и братья употребляют их и получают назидание. Скажи, что мне полезнее сделать: оставить ли их у себя для собственной пользы и для пользы братьев или продать их и полученное раздать нищим? Старец сказал в ответ: первое хорошо, но нестяжательность всего лучше. Услышав это, Феодор пошел и продал книги, а деньги раздал нищим.

Рассказывал Авва Кассиан: один монах удалился в пустыню и жил в пещере. Родные его по плоти дали знать, что отец его тяжко

болен и скоро умрет. И говорили ему: приходи за наследством после отца. Монах отвечал им: я еще прежде него умер для мира, а мертвый не наследник живого.

Авва Даниил рассказывал об Авве Арсении: пришел некогда к нему чиновник и принес ему завещание одного сенатора, родственника Арсения, который оставил ему очень большое наследство. Арсений, взяв завещание, хотел разодрать оное. Но чиновник пал к ногам его и говорил: прошу тебя, не раздирай завещания, иначе с меня голову снимут. Тогда Авва Арсений сказал ему: он умер только теперь, а я умер еще прежде его. И отослал завещание, не приняв ничего.

Рассказывали об Авве Аммое: однажды заготовил он пятьдесят мер пшеницы для своего употребления и высыпал ее на солнце. Но прежде, нежели она хорошо высохла, увидел он что-то невыгодное для себя на том месте и говорит ученикам своим: уйдем отсюда. Они весьма опечалились. Видя печаль их, он сказал им: ужели вы о хлебах печалитесь? Уверяю вас, я видел таких людей, которые убежали, оставив крашеные шкафы с пергаментными книгами, даже и дверей не заперли, но ушли, оставив их отверстыми.

Рассказывали, что Авва Агафон часто переселялся из одного места в другое, имея в сумке только свой ножичек.

Авва Зенон, ученик блаженного Силуана, говорил: не живи в славном месте, не садись со знаменитым человеком и не полагай основания, чтобы когда-либо строить себе келью.

(Продолжение следует)

Иван Васильевич, липецкий блаженный

В начале 1920-х годов состоялась встреча Ивана Васильевича Васильева с почитаемым ныне в Орле блаженным Афанасием (Афанасием Андреевичем Сайко). Этот уроженец Волынской губернии в возрасте 33 лет был арестован на родине и этапирован в 1919 году в город Орел, где до 1921 года отбывал срок в «концлагере № 1». Выйдя на свободу, Афанасий Андреевич на родину жить не поехал, остался в Орле. «Не имея здесь ни родных, ни знакомых, он поселился на колокольне Богоявленского храма. Так началось его подвижничество – он стал блаженным, юродивым Христа ради, чтобы под видом безумия нести людям правду в злое время гонений и беззакония. Жил он в основном милостыней, ходил босиком», – сказано в «Житии Христа ради юродивого Афанасия Андреевича Сайко», подготовленном комиссией по канонизации Орловско-Ливенской епархии.

Орловский блаженный Афанасий, в начале пути своего наставленный Иваном Васильевичем

Известно, что Иван Васильевич близко сошелся с блаженным и, видя в нем человека духовного, познакомил Афанасия Андревича с отцом Всеволодом. Как далее говорится в житии блаженного: **«Священник Орловского Введенского женского монастыря о. Всеволод Ковригин, узнав об Афанасии Андреевиче и *познакомившись с ним через своего келейника брата Иоанна*, нашел одинокую верующую женщину и благословил ее принять его в свой дом»**.

А вскоре и самому отцу Всеволоду с семьей и верному его келейнику «Иванушке» пришлось искать приют у добрых людей. Наступили последние дни для Введенского женского монастыря.

Еще в 1921 году постановлением президиума губисполкома в городе Орле закрыли Христорождественскую церковь женского монастыря, передав ее под клуб рабочего городка, а чуть позже – и Тихвинскую, надвратную церковь той же обители. Предпринимались большевистской властью усилия по вытеснению монашествующих с территории обители и позже. Так, в 1922 году, под предлогом помощи голодающим Поволжья, как и по всей стране, ограблены были храмы земли Орловской. Проводилось «изъятие ценностей» и в еще действовавших храмах Введенского Орловского женского монастыря: во имя Воскресения Словущего и Пресвятой Троицы, а также в кладбищенской во имя Воскресения Христова церкви обители, прозванной в народе «Афанасьевской». Насельницы обители и окормлявшее их духовенство выразили открытый протест против ограбления церквей. И органами ГПУ был организован «процесс орловских церковников» «по делу об изъятии церковных ценностей». Главными фигурами на показательном процессе, состоявшемся по весне 1923 года, были духовные руководители Ивана Васильевича – священники Введенской обители отец Всеволод Ковригин и отец Павел Святицкий. О ходе устроенного судилища в номере за 10 мая 1923 года рассказала большевистская газета «Орловская правда». Но, придав сам факт суда над «церковниками» широкой огласке, власти на этот раз ограничились довольно мягкими приговорами. В частности, Ковригину, признанному виновным, формально запретили проживание в Орловской губернии.

Чудотворный список с Балыкинской иконы Божией Матери, сохранявшийся в Введенском женском монастыре города Орла, к которому не раз с молитвою обращался Иван Васильевич Васильев во дни пребывания в обители

Однако до 1925 года это решение исполнять на деле не торопились...

Судя по всему, протест против изъятия ценностей из церквей спустя целый год после самого события отцу Всеволоду и отцу Павлу припомнили не случайно. «Советам» надо было найти повод, чтобы избавиться от наиболее ярких противников «обновленчества». Ведь в марте 1923 года православное духовенство Орла и губернии (за исключением городов Ельца и Волхова, где были сильны сторонники патриарха Тихона) почти целиком присоединилось к «Живой церкви». При поддержке ГПУ и местных властей 12 марта было переизбрано Орловское епархиальное управление, во главе которого встал уклонившийся в обновленческий раскол епископ Александр (Монастырев), сменивший уехавшего 13 февраля в Москву архиепископа Леонида (Скобеева).

В статье «Русская Православная Церковь на Орловщине в годы репрессий», опубликованной в 3-м томе «Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине», так описывается ситуация в церковной жизни Орловской губернии 1923 года: «В результате этих действий в Орловской губернии Церковь раскололась на два течения — на «обновленцев» и «тихоновцев». Представители первого течения всеми силами стремились продемонстрировать новой власти свою лояльность... Совсем иначе вело себя второе течение. Будучи в меньшинстве, сторонники патриарха Тихона продолжали активную пропаганду против «обновленцев». Главную роль среди староцерковников играли архимандрит Пантелеймон, священники Оболенский, Ковригин, Дубакин, бывший военный прокурор Городетский и другие».

Опорой «тихоновского» направления стал, вполне естественно, и окормлявшийся священниками Ковригиным и Святицким Введенский женский монастырь. А потому в 1923 году последовало его закрытие. Заперты были рукою власти врата Воскресенского и Троицкого храмов. Промыслом Божиим во дни разорения насельницам удалось спасти главную святыню обители – чудотворный список иконы Божией Матери Балыкинской, с 1858 года весьма почитавшийся орловчанами. Не раз у этого славного изобильной благодатью образа замирал в сердечной молитве и Иван Васильевич Васильев, получивший в свое время исцеление от ран милостью Пресвятой Богородицы.

И лишь малая церковь Воскресения Христова, размещавшаяся на Афанасьевском кладбище обители, осталась действующей. Здесь, до расстрела в 1937 году, продолжал служение отец Павел Святицкий.

Прочие же, жившие до того в стенах Введенского монастыря, оттуда были исторгнуты и разсеяны. ***«В 1923 году Орловский женский монастырь был закрыт. По этой причине Ковригину было предложено выехать с территории монастыря... Священника Всеволода Ковригина перевели на службу в так называемую военную церковь, а я продолжал ему помогать»***, — записано в следственных протоколах со слов Ивана Васильевича. Временно Ковригин с семьей и его келейник поселились в частном доме на 3-й Курской улице, у одного из верующих, сохранявших верность Патриаршему Престолу и служителям, не отшатнувшимся от Патриарха Тихона, несмотря на жестокие гонения.

«Таким мероприятием я был недоволен», — коротко ответит далее Иван Васильевич на вопрос следователя: «Как Вы лично отнеслись к вопросу закрытия Орловского женского монастыря?»

За этой лаконичной фразой — большое горе. Уже пережитое, но навсегда оставившее в сердце глубокую скорбь. Разрушен был по воле безбожной власти устоявшийся порядок жизни духовной, туманны были перспективы дальнейшего служения в окружении «обновленцев», поддерживаемых «советами»...

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

Из писем Ивана Васильевича...

Жалею я вас, что работа ваша не в силу. Но это хорошо, (если правильно понимать труд)... Надо полюбить все свое дело, где работаешь, всей силой воли и благодарить Бога за все и окружающих нас. Трудиться, не жалея сил своих перед лицом людей, как перед Богом. Это св. Христов Апостол так нас учит. И вот если мы так будем понимать дело свое и работу свою, то найдем мы, грешные люди, сами себя и Бога, а в немощах человеческих только сила Божия совершается. Мы узнаем, что у нас силы физические совсем малы, а милость Божия на все дает сил, если мы будем понимать свой труд...

Волос с головы не упадет даром в послушании и труде.

Люди голодные по неделе не ели – и были сильнее неверующих, и чудеса творили. Но мы с вами, знавши Бога и волю Божию, добровольно своею волею будем жить, как нам хочется? Но Бог не оставил нам такой программы на жизнь. Вот почему и нам надо трудиться, чтобы в труде милостию Божией найти силы Божии, просить силы у Бога на каждую минуту. Труд и молитва все перетрут. Царство Небесное со времен Иоанна Крестителя Господнего усилием берется. Сам Христос был послушный до самой смерти крестной. «Придите научитеся от Мене, Я был кроток и смирен, иго Мое благо и бремя Мое легко есть».

Почитайте! Помните, что Бог нас к покаянию призывает трудным путем. Храни вас Христос.

Схиигумен Митрофан

Из воспоминаний протоиерея Николая Засыпкина, духовника Тамбовской епархии

Отца Митрофана я узнал в 1954 году Рождественским постом. Он был тогда еще иеромонахом Серафимом. А произошло это так. Наша семья переехала в Мордово, и тетя моей супруги, к тому времени уже знавшая батюшку, предложила мне съездить к нему в Ячейку, где он тогда служил. Из Мордово до Эртиля мы ехали поездом. Прибыли поздно вечером, а до Ячейки еще около 25 километров. Тетя говорит:

– Я была уже там, знаю, как добраться: отправимся пешком – к утру как раз и придем.

Спрашиваю ее:

– Ты хорошо дорогу знаешь?

Она отвечает:

– Хорошо, – и мы с ней пошли...

Снег. Темно. Идем уже довольно-таки продолжительное время, но у меня почему-то смутное подозрение, что движемся мы не в том направлении. Спрашиваю:

– Мария Федоровна, вспомните хорошенько: туда ли мы идем?

– Туда, туда....

Попадается нам на пути какая-то деревушка. В одном из домов горит огонек. Я постучался, спрашиваю:

– Как до Ячейки дойти?

– А вы откуда?

– С Эртиля.

– Да вы в противоположную сторону идете! – Женщина вышла, показала нам нужное направление. Снова пешком – ночью, по снегу, без дороги, без следа. Наконец вышли на какую-то дорожку...

В храм вошли, когда было уже светло. Но служба еще не начиналась – батюшка исповедовал. Он посмотрел в нашу сторону, и у меня возникло такое ощущение, будто меня насквозь пронизал его взгляд.

Мария Федоровна только подошла к нему, еще ничего не успела сказать – он ей сразу:

– Путлюха! Куда ж ты малого-то завела?

– Батюшка, простите!

– Что «простите»? «Простите»...

– Батюшка, Вы его поисповедаете?

– Нет, пусть стоит молится – после литургии поисповедую.

Вряд ли я когда-нибудь так до этого молился, как в тот раз – в таком страхе я был, в таком трепете. Даже на волосы мне наступили, когда я земной поклон делал – боль была сильная, но я сразу о ней забыл – так меня «захватила» литургия.

Потом батюшка вынес из алтаря тетрадочку – перечень грехов, поисповедовал меня, и мы причастились. Кончилась служба, все подошли ко кресту, отстояли молебен... Можно было бы брать благословение и уходить, но я вдруг произнес: «Батюшка, а можно зайти в Вашу келью?» До сих пор не знаю, как и почему у меня тогда дерзновения на это хватило. Он разрешил. Побежал вперед нас и, когда мы подошли к его келье, он вышел нам навстречу с иконочкой святителя Николая и благословил меня ею. Небольшая икона, писаная – она до сих пор у меня хранится...

О чем мы после этого говорили с батюшкой, уже не могу вспомнить, хотя беседа наша была довольно-таки продолжительной. Но с того времени я стал к нему ездить, и виделись мы с ним частенько. Приезжал я и один, и с семьей. Бывал неоднократно и батюшка у нас в Мордово. Иногда я провожал его в тот же день на поезд, когда ему надо было ехать в Киев, но случалось, что он оставался у нас ночевать.

Помню, приехал он однажды к нам поздно вечером. Мы уже к тому времени поужинали. Мама моей жены сразу же засуетилась на кухне, чтобы покормить батюшку. Спросила его:

– Что Вам приготовить?

– Картошки «толчок».

Сварили ему картошку, слили – из отвара супчик приготовили, картошку потолкли, огурцы соленые еще подали. Батюшка покушал, поблагодарил, не выказав и тени неудовольствия ужином. После этого началась беседа...

Утром я проводил его на поезд, вернулся, и мы сели завтракать. Решили доесть остатки от батюшкиной трапезы. И оказалось, что ужин его был несъедобный – все очень пересолено: моя супруга и ее мама – обе вчера посолили картошку. А батюшка смирился и даже вида не подал.

Как-то приехал я к нему из Мордово, и батюшка благословил меня поездить по святым местам – в Киев. Я говорю:

– Батюшка, но ведь я ни разу в Киеве не был и никого там не знаю.

Он дал мне адрес одной старушки, у которой сам всегда останавливался – Елены Григорьевны, Царство ей Небесное. Я говорю:

– А как же я по городу? Я ведь город совершенно не знаю.

Батюшка отвечает:

– А тебе там будет путеводитель.

Приехал я в Киев. От вокзала надо было 6-м трамваем добираться до остановки «Керосинная». Я все волновался – боялся, что проеду остановку. Какой-то мужчина, стоявший рядом, сказал: «Да Вы не волнуйтесь – я покажу Вам эту остановку», – вышел со мной, показал, куда идти, чтобы найти нужную улицу. Я думал, что ему надо на той же остановке выходить, а он следующим трамваем поехал дальше. Когда я пришел к Елене Григорьевне, там оказался мой знакомый дедушка Даниил из Челябинска, который часто приезжал к ба-

тюшке – он и стал моим «путеводителем» по Киеву.

Первая моя служба там – это Владимирский собор, всенощная под 1 августа – первый Спас. Кто был в Киеве, тот знает, что местные храмы и особенно Лавра поражают своей обстановкой, службами, песнопениями. Конечно, и я был поражен. Поездка прошла замечательно, и молитвами батюшки я очень довольный благополучно вернулся домой.

Потом как-то мы ездили в Киев вместе с супругой, оставив своих ребят на попечение бабушки. И перед этим тоже отправились за благословением к батюшке в Ячейку. Приехали, а там матушка Серафима из Мичуринска. Сыну тогда было всего 9 месяцев, и жена, помню, все волновалась:

– Как же я малыша-то оставлю?

А матушка Серафима говорит:

– Для бабушки внучата дороже, чем детки – не волнуйся, все будет хорошо, поезжайте.

И, в самом деле, поездка была очень удачная.

Однажды батюшка, приехав к нам в Мордово, вышел во двор и стал его метлой подметать: предсказал, что нас «выметут» оттуда. Это было глубокой осенью, а уже в декабре нам предложили переехать (т.к. знали, что мы верующие) в другой район – в Шехмань. Мы тогда очень волновались, ведь Мордово – можно сказать, наша родина. И все же пришлось нам в 30-градусный мороз переезжать с четырьмя детьми и всеми пожитками на расстояние семьдесят с лишним километров по бездорожью. Но по молитвам батюшки Митрофана и матушки Серафимы доехали мы благополучно, никто не заболел, все перевезли, и почти ничего не померзло – ни заготовки, которые мы сделали на зиму, ни даже комнатные цветы.

И батюшка, и матушка Серафима говорили: «Хорошо, чтобы вы там как можно дольше пожили», – по их молитвам мы в Шехмани прожили 26 лет. И все эти годы – как под покровом: все там знали, что мы верующие, но никто никогда не пенял нам этим...

Когда мы жили в Мордово, я часто виделся с батюшкой, – до Ячейки было всего 30 километров, и мне ничего не составляло преодолеть это расстояние на велосипеде. Но когда мы переехали в Шехмань, то общение с батюшкой стало редким. А оно мне было необходимо. И вот я написал ему плачевное письмо, в котором сетовал на то, что мне очень плохо и не хватает общения с ним. Батюшка прислал мне ответ – писал примерно следующее: «Тебе плохо потому, что ты забываешь, что ты с Богом. А с Богом везде хорошо. Вспомни мои рассказы, как я был в ссылке: мне тоже было вначале очень плохо, а потом я сказал сам себе: «А чего ты унываешь? Ты в монастыре: начальник лагеря – это игумен, а все заключенные – это братья, насельники монастыря. Сигнал на работу – братия пошла на послушания, сигнал на обед – братия в трапезную пошла». И мне стало совсем хорошо»...

Схимонахиня Серафима (Белоусова) и схиигумен Митрофан (Мякинин)

Как-то мы приехали к батюшке из Шехмани – был праздник Успения, который всегда очень торжественно отмечался отцом Митрофаном: ставили Плащаницу под балдахином, украшали все цветами, плодами. Это было необыкновенно.

Один раз и батюшка приезжал к нам в Шехмань – радость была неописуемая! Помню, стою в аптеке и вдруг вижу через застекленную дверь, как идет батюшка. Я сначала даже не поверил, подумал: «Привиделось мне что ли?»

У отца Митрофана были духовные чада и в Шехмани, и в Ячейке, и в Эртиле – и всех он хотя бы однажды навещал. Он очень много ходил пешком. Даже из Ячейки – в Шумиловку, где жила матушка Антония, оттуда – до Шехмани, и пешком до Мичуринска – к матушке Серафиме. Не знаю, как они добирались...

С матушкой Серафимой они были дружны, очень часто общались: матушка навещала батюшку, а он – ее.

Частенько проведывал батюшка и отца Иоасафа (Моисеева), который жил в Грязях – бывший насельник Оптиной пустыни. Там он даже совершал литургию в его маленькой келейке. И отец Иоасаф неоднократно приезжал к нему в Ячейку.

Запомнилась мне и схимонахиня Михаила. Она тоже очень часто бывала у отца Митрофана...

Но о том, что наш батюшка – схиигумен Митрофан, стало известно только после его смерти. Я знал его как отца Серафима. И у настоятеля мордовского храма отца Александра (Бородина), который написал стихи на смерть батюшки, есть такие строки: «...И никто не знал до смерти, что ты в схиме Митрофан».

По батюшкиным молитвам при его жизни очень многие получали исцеления, устраивались на работу. Одна его духовная дочь (теперь она схимонахиня Николая, живет недалеко от Псково-Печерского монастыря) работала кассиром на железнодорожном вокзале. Так вот она рассказывала, как по молитвам батюшки ее не выгнали с работы. Однажды сидит она на рабочем месте во время перерыва, достает из кассы акафист и начинает читать. Вдруг сзади незаметно подходит начальник вокзала и заглядывает ей через плечо: «Ага! Вот Мария Яковлевна чем занимается!» Она – скорее к батюшке. Потом рассказывала нам: «Ну, я думала, что все – работы меня лишат! Но почему-то оставили на месте».

Батюшка был прозорлив, но скрывал это, иногда даже юродствовал.

Приехал я как-то к батюшке. На столе у него лежал нож. Батюшка нож схватил и – будто бы его мне в бок.

– Операцию делать.

– Какую операцию, батюшка?! – а через короткий промежуток времени у меня случился приступ острого аппендицита – и меня «под нож». А после этого еще две операции.

Жил в Мордово один раб Божий, который по благословению батюшки поехал в Почаев и принял там постриг. Когда Почаевский монастырь закрыли, он вернулся в Мордово и служил в храме чтецом. Ему предложили принять сан, но батюшка не благословил, сказав: «Оставайся простым монахом». Но тот не послушался, принял сан, потом получил сан игумена и ...женился! Прожил он с этой женщиной совсем немного – она его бросила, а он лишился и священства, и монашества. Потом очень скорбел об этом...

Прозорливость батюшки была необыкновенная. В частности, он мне за двадцать с лишним лет предсказал, что я буду священником, хотя я в то время даже и не помышлял об этом. Мне было тогда, в 1964, 34 года. Батюшка произнес: «На склоне лет, но совершится». И вот в 1987 году 19 декабря я принял сан священника – сбылись его слова...

О батюшке можно бы рассказывать много, но трудно все вспомнить. Я сейчас очень жалею о том, что по своей оплошности не делал никаких записей, а ведь была возможность хотя бы какие-то заметочки оставлять после каждой поездки. Но в то время казалось, что все будет держаться в памяти и в записях нет никакой нужды. А сейчас уже очень многое стерлось: и даты, и факты...

Помню, любил батюшка кататься зимой на санках с горки. Очень!

Любил играть в лапту, но этого я сам уже не видел – в Ячейке батюшка не играл, это он только при случае рассказал.

Очень любил батюшка своих духовных чад. Около него спасалось много стареньких матушек, которые раньше жили в монастырях. Он называл их «девчата»: «Ну, вот и девчата мои идут!» А эти «девчата»: одна на одну сторону хромает, другая – на другую перегибается.

Помню, как-то батюшка рассказывал: когда он был сторожем в областной воронежской больнице, куда его взял на работу главный врач Николай Александрович Овчинников (будущий иеросхимонах Нектарий), тот частенько вызывал батюшку к себе в кабинет:

– Пригласите ко мне Мякинина.

Лишь только батюшка зайдет:

– Вот что: закрывай дверь – давай акафист читать.

А работники недоумевали:

– И что же он так часто Мякинина пробирает?

Приезжая к батюшке с ночевкой, я наблюдал за ним и пришел

Могила схиигумена Митрофана, справа могила его матери — Дарьи Мякининой. Фото 2004 г.

к выводу, что он не спал ночью. Его маленькая комнатушечка, спаленка, келейка была рядом с той комнатой, в которой помещали меня ночевать. Так вот батюшка ночью постоянно ходил: то лампадку поправит, то посмотрит, кто как устроился, то еще какое-нибудь дело себе найдет. И всегда был в молитве, молитва Иисусова была ему присуща.

Был он великим молитвенником – это я испытал на себе. Взять тот же случай с нашим переездом из Мордово в Шехмань, да и дальнейшая наша жизнь – все сложилось только по молитвам батюшки.

И те годы – трудные, с одной стороны – для меня были в то же время очень благодатными, потому что общение с такими людьми облегчало все трудности. Приедешь, бывало, к нему – вопросов столько! А уезжаешь облегченный: все по полочкам разложит. Все делаешь, как благословит – и всегда все было хорошо...

Батюшку переводили с прихода на приход: Ячейка, Девица, Путятино... Путятино и стало последним местом его служения. А потом батюшка заболел.

Больного мы его навещали дважды. В первый раз мы с супругой, ее тетей и дочерью приезжали на Успение в Задонск. Там в то время гостила матушка Серафима из Мичуринска, и она благословила нас поехать навестить батюшку. Пришли мы на Задонскую автостанцию. Ехать к батюшке надо было через Воронеж, потом на Анну и дальше. А если бы домой, то до Липецка, а оттуда автобусом до Шехмани. И надо же случиться такому, что ни один таксист не соглашался везти нас до Воронежа! До Липецка – пожалуйста, а на Воронеж – нет. Я стал уговаривать своих:

– Поехали домой. А уже из дома как-нибудь съездим к батюшке.

– Да как же: матушка благословила, а мы будем нарушать?

Я настаивал. Потом говорю:

– Ну, ладно... Но пробую в последний раз.

Остановилось такси. Подхожу – шофер уже набрал пассажиров. Я спрашиваю:

– До Воронежа-то не повезете?..

– До Воронежа? Нет, – и уже дверку закрывает.

Я зачем-то говорю:

– А нам до Анны.

– Так, подождите... До Анны? – высаживает пассажиров, мы садимся и едем до Анны.

Оттуда добирались попутным транспортом и тоже чудом. Пришлось переезжать через речку буквально по двум доскам – и шофер не отказался ехать! Все, кроме него вышли из машины, а я шел впереди, показывая путь...

Приехали мы к батюшке. Он весьма слабенький тогда был, но встретил нас очень приветливо. Мы переночевали у него и отправились домой, добрались тоже быстро.

А во второй раз я посетил батюшку во время его болезни 14 октября 1964 года на Покров. Ездил я один. Батюшка в то время уже лежал – совсем ослабел. Это была моя последняя встреча с ним. Он подарил мне тогда маленькую иконочку и частицы (кажется, от гроба) равноапостольной Нины. И какую-то святыньку от Алексия, человека Божиего.

– Пусть это будет на освящение всей вашей жизни.

По его благословению я вделал эти частички в деревянный крестик и залил воском. Они и сейчас хранятся у нас...

И вот пришла печальная весть. Я, помню, приехал в Мичуринск по делам службы – на склад, получать товар. Там повстречал монахиню с Грязей. Она сказала:

– Николай Иванович, батюшка очень плох. Он сейчас в Воронеже. Вам нужно его навестить.

– Матушка, вот получу товар, привезу домой и сразу поеду к батюшке.

Приехал домой поздно вечером, а утром получил телеграмму, что батюшка скончался. Ехать пришлось уже на похороны.

Приехал я в Воронеж, пришел на квартиру, где он жил. Сказали, что батюшку уже перевезли в Покровский храм. Я отправился туда. Народу было очень много. Приехали батюшкины чада из разных мест, в том числе и из Мордово, матушка Серафима из Мичуринска, отец Александр Бородин и отец Николай (Овчинников) – он тогда уже был в сане.

Всю ночь продолжались панихиды. На второй день мы получили известие, что отец Кукша тоже скончался – на день раньше батюшки. Затем было отпевание – очень торжественно-печальное. Потом батюшку повезли на место захоронения, но матушка Серафима не благословила меня ехать с телом до Михайловки, и я отправился домой.

Помню, в Грязях встретились мне знакомые: «Николай Иванович, вы что – больны?!» – я несколько дней никак не мог прийти в себя. Не верилось, что батюшки нет, ведь ему было всего 62 года. Мне казалось, что я никогда не смогу уже быть в нормальном настроении, солнце больше светить для меня по-прежнему не будет – эта печаль и скорбь навсегда останутся в моем сердце.

Они и остались, но время лечит – все немножко забылось, затушевалось, стерлось, может быть, по молитвам батюшки, потому что в таком состоянии, в котором я находился тогда, жить просто невозможно.

За свою жизнь батюшка сделал очень много: одних привел ко Господу, других наставил на истинный путь, третьи приняли по его благословению священный сан... Мне кажется, молитва о нем идет постоянно, потому что те, кто его знал, кто видел его хотя бы один раз, никогда его не забудут. Это был человек особенный. Живые глаза, светлое лицо, быстрые движения. Он весь – энергия.

На могилке батюшки совершаются чудеса. Свидетелями одного из них была группа прихожан нашего храма.

Молодой человек с нашего прихода не знал, как ему поступить: избрать путь монашества или семейную жизнь. Он принимал прямое участие в обустройстве могилки отца Митрофана. И вот однажды поехали на могилку, чтобы привести ее в порядок, поставить крест. Этот раб Божий был тоже там. Во время работы он нашел в ограде, около могилки батюшки, параманный крест! Я думаю, что это ему прямое благословение батюшки – ведь сколько людей перебывало на могилке, но крестик попал именно этому молодому человеку.

Как-то весной поехали на могилку к батюшке наши прихожане. С ними был один наш заштатный священник. Стали служить панихиду, а петь-то некому – голоса слабые. И тут прилетела целая стая птиц, уселись рядом на кустике, и началось пение. Панихида была отслужена как положено, а пение было необыкновенное. Эту прекрасную панихиду с участием птичьего хора часто вспоминают все, кто там присутствовал.

Когда некоторые из наших прихожан в последний раз ездили в Воронеж по делам, были они и у мощей святителя Митрофана, и уже ночью заехали на могилку к батюшке. Потом рассказывали: «Ощущение – необыкновенное! Кладбище. Ночь. Фары у машины включены – освещение такое... Чувство было необычайное – это выразить словами невозможно!»

Из писем схиигумена Митрофана...

«Любите друг друга», – сказал Божественный Учитель Своим ученикам.

Дорогие мои родные, положите все свои силы и труды, купите это неоцененное сокровище – любовь. За это немного нужно будет платы, а только одно ваше чистое и неуклонное желание. И если вы будете искать от истинного сердца, то знайте – найдете. И узнаете, какова она есть. И если эта неоцененная добродетель будет приобретена вами, то вы дорожите ею и храните ее, как зеницу ока своего. А за сей добродетелью появятся и другие добродетели, и возрастете в силе духа. Приобретается она посредством любви к ненавидящим вас, укоряющим вас и прочее. В этом познается приобретение сей добродетели: не воздавайте злом за зло, а побеждайте благим злое, итак постигнете волю Божию.

Воззри на окружающую нас растительную природу. Сейчас глубокая осень, и все растения прекратили рост, увяли и засохли. Можно ли сделать так, чтобы эти растения начали вновь расти? Нет, только с приходом весны и под действием теплых солнечных лучей природа оживится и растения начнут расти. Точно так и мы без любви не можем духовно расти.

Дорогие мои, пусть будет сие время не умирающая осень, а благоприятная весна для ваших сердец для посева в них всех добродетелей, и тогда скудная осень не устрашит вашего благоплодного сердца, орошенного тихим, приятным дождем умиления.

Да хранит вас Господь, да возрастет в ваших сердцах благоплодная весна.

Простите, убогий С.

По страницам акафистов

За гробом мы безсмертны...

Образ Владимирской иконы Божией Матери

«Мы должны черпать силы в многовековой истории нашей Родины, которая учит нас стойкости и мужеству».

Патриарх Алексий II
(*из Рождественского послания 2005 года*)

I

В акафисте Пресвятой Богородице в честь иконы Ее Владимирской воспевается: «Проповедник неизреченных чудес Твоих, Владычице, явися соборный храм Твой во граде Владимире, святою иконою Твоею украшенный. Попущением бо Божиим все благолепие его некогда во огни погибе, икона же святая Твоя, якоже купина неопалима пребысть, да и видевше, и осязавше присутствие Твое, вернии воспоют: Аллилуиа» (*кондак 6*).

Случилось сие чудо в день воскресный 7 февраля 1238 года, на масленой неделе перед Великим постом, когда монголы общим штурмом взяли столицу Русской империи Владимир-на-Клязьме... Спасаясь от озверевших врагов, «епископ Митрофан и княгиня Юрьева с дочерью и со снохами и с внучатами, и другие княгини с детьми, и множество много бояр, и всякого звания люди затворились в церкви Святой Богородицы и были без милости спалены огнем... [Монголы] разграбили Святую Богородицу и с чудотворной иконы содрали золото и серебро и дорогие каменья. И монастыри и иконы разграбили... окаянные кровопийцы!..» (*Лаврентьевская летопись с привлечением Ипатьевской*). Единственное, что осталось во всем городе и Владимиро-Суздальском княжестве невредимым – так это икона Владимирская, хотя и лишенная варварами своих драгоценных риз...

Событиям этим грустным предшествовали годы княжеской междоусобной смуты и происки врагов Православия, решивших мечом и огнем покончить со Святой Русью... «Ни в одном из (*российских*) источников не сказано о политическом альянсе папы Римского Гонория III и французского короля Людовика Святого с Чингисханом, чьи орды они с помощью посланных военспецов сделали самым современным по тому времени войском, пообещав ему во владение Русь и центральную славянскую Европу за возможность уничтожения Православия и окатоличивания всего Евроазийского материка, выговорив себе во владение лишь богатые Псковско-Новгородские земли» (*Владимир Коваль-Волков, 1991, МГ 11, Патриотизм и русофобия, с. 20*).

Итак, темные силы решили победить Церковь Христову монгольскими саблями и латинским коварством. Западноевропейцы, объявив в 1199 году крестовый IV католический поход «за освобождение Гроба Господня от мусульман», обрушили всю мощь военной машины на Царьград (Константинополь), и 13 апреля 1204 года византийский оплот Православия пал... На захваченных греческих землях обманом и насилием римляне немедленно организовали Латинскую империю, где властвовали католические иерархи и мечи наемников. Русь лишилась главного союзника: Византия ушла в Никею, в город греческого сопротивления захватчикам. Грузией в то время правила царица Тамара, жена Юрия Андреевича, который был сыном князя Андрея Боголюбского. В 1212 году она умерла, оставив на царстве дочь Русу-Дану Юрьевну. Молодая царица не могла оказать помощи родине своего отца, а уже к 1223 году войска опытного Субэдея проутюжили весь Кавказ, половецкие степи и разбили русских на Калке. Тактика монголов – лживость и безпощадность – усиливалась полководческими приемами степняков и китайским инженерным обезпечением. «Это было лучшее тогда в мире по дисциплине и вооружению конное войско. Оно было хорошо оснащено осадной техникой – баллистами, катапультами, машинами для метания горшков с горящей нефтью...» (*Ю. К. Бегунов, 1981 г.*).

Папа Римский жаждал получить не только единовластие, но и главные православные святыни: каменную плиту с нерукотворным изображением Лика Господня, высеченного на камне Ангелом; Веронику – плат с нерукотворным изображением Спасителя; Плащаницу, в которую было завернуто Божественное Тело Христа; нерукотворные иконы Богородицы; неугасимую лампаду, горевшую перед Гробом Господним... Но, увы, римская курия получила то, что получила...

«Во время штурма великой столицы католики видели плиту Гроба Господня в последний раз. По свидетельству рядового участника этого штурма, шевалье Робера де Клари, Гроб Господень стал добычей венецианцев и был ими кому-то продан. Кроме де Клари воспоминания о штурме Константинополя оставил и русский Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Великого Новгорода Антоний II, оказавшийся Промыслом Божиим в Константинополе во время штурма. Рассказ Добрыни о виденном им вошел в Первую Новгородскую летопись и был снабжен небольшим добавлением, сообщавшим, что Добрыня привез "в Святую Софию Гроб Господень!"

Этот подвиг много объясняет в собственно русских событиях первой четверти XIII века. Заполучив ГЛАВНЕЙШУЮ святыню христианства, Гроб Господень, Великий Новгород становился в один ряд с крупнейшими мировыми центрами – Иерусалимом, Константинополем и Римом, причем оказывался и первейшим городом на Руси, не исключая и Киева». (*Дм. Зенин, 1991, ЧП №1, Несть равных ему во всем свете, с. 85-86*).

Историческая справка: некоторое время назад во Святой Софии Новгорода провели научные раскопки и выявили четыре святых столпа, на которых почивала плита Гроба Господня, что подтверждает точность Русских летописей.

По смерти папы Гонория III, а затем и Иннокентия III, чьи военно-монашеские ордена охватили своими клещами торговые пути Руси с юга и севера, к власти пришел дядя последнего Григорий IX (1227-1241 гг. понтификата), восьмидесятидвухлетняя нежить, одержимая идеей мирового господства. И уже в 1229 году он, в миру Уголино из графов Сеньи, устанавливает блокаду Новгорода и особой буллой запрещает поставлять в Русь лошадей, корабельные снасти, деревянные изделия, оружие... По желанию известных лиц упрочаются политические отношения с монголами, возрождается Шелковый путь, оказывается военная помощь Монгольской империи... Папа желает уничтожить Православие и во что бы то ни стало завладеть Гробом Господним, которым, как и всем прочим, распоряжается Глава Небесной и земной Церкви Иисус Христос, Сын Божий...

II

Темуджин, он же с 1206 года Чингисхан, родился в 1172 году – за два года до убийства Русского Царя Андрея Георгиевича Боголюбского Первопечатника, привезшего Владимирскую икону во Владимир. Создав свою армию, решительный монгол поначалу покорил своих родственников, затем соседей, а потом государство Чжур-Чженей и Китай. Китайцы и их соседи Чжур-Чжени, отбиваясь от диких монголов, использовали «гром, потрясающий небеса» (*Цин Тян Лэй*). Китайская хроника «Тунлян Канму» за 1232 год сообщает о применении «огненных стрел» (*Фен Хоз Цян*) при осаде Пекина монголами. К стреле привязывался мешочек пороха («огненное зелье»), который взрывался среди вражеских порядков, и необстрелянные степные кони, что называется, несли всадников. Очевидец осады Пекина франк (француз) Жульен записал виденное им из крепости Пиенг-Кинч: «...на монголов эти стрелы наводили ужас».

Тем не менее и китайцы, и многие народы, живущие на пространстве от Тихого океана до Волги, покорились к 1236 году власти Чингизидов и их закону – ясе... Наше отечество оказалось между молотом и наковальней...

С запада на Русь упорно наступали католические военно-монашеские ордена тевтонов и ливонцев... В союзе с русскими удалые рыцари лютического князя Миндовга разгромили Ливонский орден и убавили прыти у Тевтонского так, что риттерам пришлось по настоянию папы Григория IX объединиться, но, объединившись, они не дерзали нападать до 1241 года на еще сильную Русь, и «... в ответ на призывы папских посланцев гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц и магистр Ливонского ордена Андрей фон Вельфен заявили: «Бог Сам выбирает Гробу Своему место», – и запретили крестоносным братьям участвовать в неправедном деле» (*там же, с. 87*). При этом они хорошо помнили свои походы на Русь, ибо князь Новгородский юный рыцарь Александр, в 16 лет начавший управлять в Новгороде, пленных немцев сек и отпускал, а русских изменников вешал. Немцы сильно переживали...

Однако в ставку Батыя уже в лето 1237 года тайно прибыли советники по делам Запада и Руси – лорд сэр Джон Урдюй Пэта из Лондона, тамплиер-храмовник, и риттер Альфред фон Штумпхаузен из Тевтонского ордена: готовить нападение на Русь...

Вскоре разведка Батыя и католиков получила ценные данные о жизни Руси и прекрасные ее карты. Вторжение решено было начать зимой, когда реки замерзали и не служили препятствием для конницы. Тем более, полностью исключался из военных действий могучий русский парусно-ладейный флот, который позволял нашим предкам в считанные летние часы собираться вместе на главных направлениях удара.

И вот в декабре 1237 года войска Батыя перешли границы и разрушили до 1241 года все Русские княжества, кроме Смоленского, Псковского, Новгородского, Пинского, Витебского и Полоцкого...

Русским рыцарям пришлось сражаться на два фронта, и только заступничество Матери Божией сохранило нас от полного уничтожения: под Смоленском чудесным образом погибло 40000 захватчиков; из других 40000 в марте 1238 года вышло в Дикое поле по Ливенско-Елецкому водоразделу не более 400, в том числе и одиннадцать царевичей... Монголам для продолжения нашествия пришлось провести тотальную мобилизацию на всей подвластной территории, что отсрочило падение Киева и дало нам время для побед на западном направлении.

III

Один наблюдательный немец так записал в своем дневнике: «Рос-

сия – единственная страна в мире, которая напрямую управляется Самим Богом».

Действительно: в 1238 году в марте войска Батыя были остановлены у Игнач-Креста, в 100 верстах от Новгорода... Столь неожиданное избавление от неминуемой смерти сами новгородцы восприняли как чудо, дарованное Богом и Святой Софией через Архистратига Небесных Сил Святого Архангела Михаила.

Об этом событии повествуется и в Волоколамском патерике, где преподобный Пафнутий Боровский передает ученикам рассказ, услышанный им от своего деда, бывшего татарского баскака Мартина: «...А якоже великий Новград никогда же не бысть взят от агарян, аще и предел его Волок. Внегда по Божию попущению, грех ради наших, безбожный агарянский царь Батый российскую землю поплени и пожже, и приде к Новому Граду, и покры его Бог и Пречистая Богородица явлением Михаила Архистратига, иже возбрани ему идти на него. Он же поиде на литовские грады, и прииде к Киеву, и виде у каменныя церкви над дверми написан Великий Михаил Архангел, и глагола князем своим, показуя перстом: «Сей ми возбрани пойти на Великий Новгород».

Недовольство Батыя обернулось разрушением Южной Руси. Взяв Переяславль Русский (на Днепре) и опустошив его совершенно, монголы особое внимание направили на главную городскую святыню – Михайловский собор, великолепно украшенный серебром и золотом. Как сообщает летописец, завоеватели «церковь Архангела Михаила сокруши и сосуды церковные бещисленныа златыа и драгого камене взят, и епископа преподобного Семеона убиша» *(«Православная Тверь», №8, 1995, «Явление Архистратига Божия Михаила Батыю в 1238 году»)*.

Но Господь никогда не оставляет Свою Русь! Как известно, при штурме Владимира (1238 г.) Божиим Промыслом сохранена икона Владимирской Божией Матери, охраняющая центральные области государства. В Смоленске (1237 г.) и 15 июля 1240 года на Неве являлась Сама Божия Матерь. В Смоленске Она повелела юноше Меркурию выйти навстречу монголам, и с помощью Небесных Сил он уничтожил группировку, шедшую на город, где почивала знаменитая икона – Одигитрия. В 1238 году явилась икона Божией Матери на болоте Молча в 20 верстах от Путивля. Она была помещена в Путивльский Печерский мужской монастырь Курской епархии. Сам Гроб

Святые благоверные князья Даниил Московский и Александр Невский

Господень, привезенный из Царьграда за 33 года до монгольского нашествия, изволил находиться в храме Святой Софии в Господнем Великом Новгороде. В снежном апреле 1238 года русская крепость Козельск, что в Калужской будущей губернии, 49 дней и ночей противостояла опытным врагам. Русские, имея в городе малолетнего князя Василия, решили так: «Мы оставим по себе добрую славу и за гробом будем безсмертны!» *(А.О. Ишимова, 1996, Феникс, История России, с. 63)*. Захватчики с тяжелейшими потерями взяли Козельск лишь после того, как все защитники до единого погибли в рукопашной схватке. Прозвав город «злым», монголы побежали в половецкие степи... С нами Бог! Милостью Его явлено в 1263 году чудо в Почаеве Самой Божией Материю; в 1239 году обретена на ели в костромских пределах считавшаяся погибшей Феодоровская икона Матери Божией, почитаемая князем Александром Невским и Царским домом Романовых.

Не забыть и подвига православного витязя из Рязани Евпатия Коловрата, который с 1700 воинами, уповая на помощь Господню, догнал в декабре 1237 года страшную силу Батыеву и в московских пределах порубил почти 10000 степняков. Только применив камнеметные машины, противник смог уничтожить русский полк... Когда пятерых тяжело раненных русов привели к Батыю, он, восхищенный их доблестью, велел отдать им тело неустрашимого Коловрата и отпустил с почетом...

Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, воздвиг во время то лютое и Своего избранника рыцаря Александра Ярославовича Невского, сокрушившего католические главы шведского (1240 г.) и германского (1242 г.) драконов, умирившего полоненную Русь. Славный защитник Гроба Господня юный Александр Невский зимой 1241-1242 года около трех месяцев провел в Орде у Батыя, «...который, кстати сказать, почти дословно повторил все сказанное о Невском магистром Ливонского католического военно-монашеского ордена Андреем фон Вельвеном: «Несть равных ему на свете!» И до конца своих дней сохранил теплое дружеское расположение к Святому князю». *(там же, с. 89)*. Не раз Батый лелеял мысль передать свой престол святому Александру, но благоверный князь всегда отвечал: «Каждому свой крест, великий царь».

Монгольские властители проводили имперскую политику веротерпимости, но зорко следили за порядком в покоренных странах и, по возможности, продолжали завоевания. Под влиянием истины сын Батыя Сартак принял христианство и стал побратимом князя Александра Невского. Так как еретики не переставали добиваться Гроба Господня, устраивая междоусобицы среди русских князей, митрополит Кирилл и князь Александр решили перевезти Гроб Господень из Новгорода во Владимир-на-Клязьме, а у Батыя и Сартака получили помощь для проведения Желтого Крестового похода, чтобы освободить от лживых латинян Царьград (Константинополь) и очистить торговые пути. В Византии Русско-монгольские войска соединились с войсками греческими под командованием полководца и будущего императора Михаила Палеолога и вскоре над избранным

городом Великого Константина взметнулись православные хоругви. Хваленые шевалье, найты, кабальеро, кавалери и риттеры бежали кто куда, а турки-сельджуки (*сарацины*) делали вид, что ничего не произошло: ну, проехались по всей Византии русские и монголы; ну, приехали в гости к грекам, в Царьград...

А в 1261 году победоносная русско-монгольская рать Ногая возвратилась в Сарай-бату к Берке-хану, уничтожив католическую Латинскую империю. Еретические знамена Рима пали под ноги русских православных витязей и монгольских багатуров... Милостью Божией первенствующий Царьград возобновил православный престол в храме Святой Софии, построенном в свое время императором Юстинианом, славянином по имени Управда. По завершению Желтого Крестового похода митрополит Кирилл учредил для орды Сарайскую епископию, подчинявшуюся архиепископу Владимирскому. Православие укрепило свои позиции на международной арене и с помощью Божией остановило католическое проникновение.

По смерти в 1263 году князя Александра Невского (род. в 1220 г.), чьи земли юридически до 1368 года входили в состав Китайской империи монгольской династии, меч святого Бориса перешел к святому благоверному князю Московскому Даниилу, младшему сыну Александра, который местом жительства избрал крепость Москву, устроенную в 1156 году первым Русским Царем Андреем Боголюбским.

Постом и молитвой, милостью и смирением тихая Москва привлекала торговцев и ремесленников, воинов и земледельцев и шла от силы к силе, уповая на Бога и заступничество Его Пречистой Матери. До Куликова поля оставалось почти 120 лет – славных лет собирания Святой Руси, расцветающей трудами монахов, инокинь и благочестивых русских людей...

«Возсия паки свет иконы Твоея, Богородице, во дни лютого нашествия Батыева...

Радуйся, Купино неопалимая!..

Радуйся, Стено несокрушимая!..

Радуйся, икону Твою и во пламени целу сохранившая!..

Радуйся, Ты бо еси наше защищение!..

Радуйся, Пречистая, от иконы Твоея милости нам источающая!»

(Икос 6, акафист Владимирской иконе Божией Матери).

ГЕОРГИЙ ПЛОТНИК

Знаменский монастырь возрождается

...Пока не случился пожар

Глава 4

Третьей настоятельницей Елецкого Знаменского монастыря «на место Капитолины» назначена была игумения Вера.

Окормление женской обителью вверено было новой настоятельнице в годы, когда, как замечает отец Геронтий, «Елецкий Знаменский девичий монастырь клонился уже к упадку по причине утеснений и поползновений на захват монастырских вотчин, совершавшихся со стороны недобросовестных лиц». И в таких случаях нередко приходилось «честным игуменьям сего монастыря защищаться судом и челобитьем, прося Великих Государей оградить обитель от злых притеснителей и обидчиков». Вот и при игумении Вере по ее личному ходатайству в 1706 году проведена была вторая межевая проверка монастырской «владенной» земли, приобретенной еще «предместницей игумений Капитолиной».

По мнению иеромонаха Геронтия, «время управления монастырем Знаменским этою игуменьею можно считать между 1712 – 1730 годами». Окончила дни свои игумения Вера в старости и погребена была «на Каменногорье в ограде монастыря».

Четвертой настоятельницей «на Каменногорье», согласно исследованию иеромонаха Геронтия, была игумения Пелагея. Она, как сообщается, «отличалась строгостью характера к себе и к другим».

Меж тем автор жизнеописания затворницы Мелании, прославившей впоследствии девичью обитель на Каменной горе, епископ Орловский Макарий (Миролюбов) приводит несколько иной список первых четырех настоятельниц Знаменского монастыря, замечая, в частности, что «предание сохранило нам досточтимые имена настоятельниц старого монастыря, игумений Матроны, Веры, Капитолины и Иулиты». Но труд преосвященного Макария вышел в свет на добрых несколько десятилетий ранее «Исторического описания...» отца Геронтия и, в отличие от последнего, лишь в общих чертах передает историю обители, а потому мы склонны считать более точными сведения, приводимые иеромонахом Геронтием, так как основываются они на документах.

Например, из документов явствует, что четвертой настоятельнице, подобно предшественницам, немало сил пришлось положить не только на внутреннее устроение обители, но и на защиту монастырской недвижимости. В 1740-х годах «игумения Пелагея с сестрами» вела тяжбу в Елецкой провинциальной канцелярии с помещиком «Ив. Нащекиным» за учиненный им своевольный захват 11 четвертей монастырской земли.

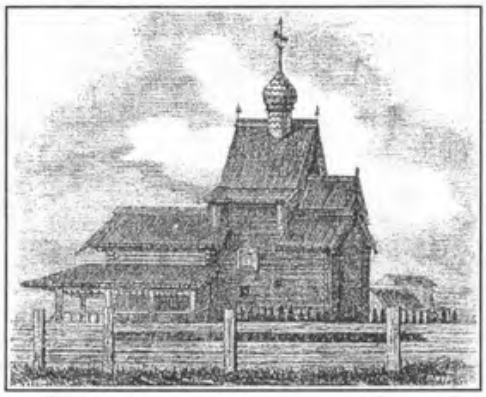
Но вот наступил год 1764. И «февраля 26 дня» указом Великой Государыни Екатерины II духовные вотчины в России были упразднены и монастырские крестьяне отобраны в ведомство Государствен-

ной Коллегии Экономии. Часть монастырей была признана штатными, с небольшим казенным жалованьем на их содержание; другая часть осталась за штатом, то есть на своем содержании; наконец, беднейшие монастыри, существовавшие кое-как ранее при земельном обезпечении, были закрыты. В число этих последних и попал Елецкий Знаменский.

Как сообщает П. В. Никольский в «Монашестве на Дону»: «3 апреля 1764 года из Коллегии Экономии последовал указ в Воронежскую духовную консисторию, требовавший определить, какие монастыри следует сохранить в Воронежской Епархии за штатом, на своем содержании». С ответом не замедлили, и 29 апреля, на основании представленного из Воронежа доклада, Св. Синод вынес решение о монастырях Воронежской губернии. Из всех женских монастырей оставлен штатным был лишь один Воронежский Покровский. «Елецкий Богородицкий» в числе прочих также упразднялся «с размещением монахинь по оставшимся в штате монастырям», то есть с переводом матушек в Воронеж. А спасались к тому времени здесь 23 девицы и старицы под водительством игумении.

Но ни епархиальное начальство, ни само елецкое сестричество исполнять столь неприятный для них указ не торопились. Тем более, что один оставленный в штате Воронежский женский Покровский монастырь попросту не мог принять в свои стены оставшихся за штатом монахинь других монастырей. Таких монахинь оказалось 60, а в Покровский монастырь можно было принять только 4, недостающих по штату. Управлявший тогда Воронежской епархией святитель Тихон, докладывая об этом Св. Синоду, согласился впредь до нового синодального разрешения оставить девичьи монастыри «без переводу». Но из Св. Синода никакого разъяснения не последовало. Поэтому женские монастыри, будучи формально упраздненными, «оставались несколько лет в неопределенном положении».

Что касается обители на Каменной горе, то здесь были два храма, чтимых и посещаемых ельчанами. Это могло и далее давать средства на пропитание матушек. И действительно, Богородицкий Елецкий монастырь на протяжении нескольких лет после секуляризации содержался «без всякого недостатка от всего гражданства и Елецкого уезду от помещиков и своих трудов». Но попущением Божиим 12 апреля 1769 года в Ельце вспыхнул пожар, почти весь город сгорел, сгорели и многие храмы. Не миновала разбушевавшаяся огненная стихия и женского монастыря на Каменной горе. В пламени сгинули обе старинные уже в те годы, почти полуторавековые деревянные церкви.



Так могли выглядеть деревянные храмы Елецкого Знаменского монастыря, сгоревшие при пожаре 1769 года

Впрочем, послал Господь в тот страшный день гонимым властью, а теперь еще и погоревшим монахиням, великое утешение и знак особой своей милости к этому намоленному месту.

«Испуганные, но заботливые в самом страхе инокини, – пишет о. Геронтий, – с опасностью [*для*] собственной жизни, успели спасти только некоторую утварь церковную и были свидетельницами, как в обгорелом их святом храме остались целы и невредимы среди пламени три святые иконы: Спаса Вседержителя, Божией Матери «Троеручица» и «Знамения» Пресвятой Богородицы, которая и прежде признавалась чудотворною». Икона же святителя Николая, именуемая Можайскою, найдена была на пожарище расколотой, но не обгоревшей.

Вскоре после случившегося пожара, «по ветхости зданий», монастырь девичий на Каменной горе был все-таки закрыт. Тогда же распоряжением епископа Воронежского Тихона II (Якубовского), преемника святителя Тихона I (Соколовского), который в то время пребывал на покое в Задонской Богородицкой обители, повелено было оставшимся без приюта штатным монахиням и послушницам из погоревшего Елецкого женского монастыря переместиться в Воронежский женский монастырь, что и было немедленно исполнено. «За каковым несчастным приключением игуменья и монахини переведены в Воронежский Покровский монастырь, находящиеся ж во искусе вдовы и девицы разошлись в разныя места и в свои домы», – приводит строки из документа 1774 года П. В. Никольский. На месте сгоревшего монастыря вскоре была построена и освящена церковь, к которой приписан и приход, так что «оное место за тем приходом и дворами к монастырскому строению и житию монашескому усматривается неприлично», сообщается все в том же документе из синодального архива.

А вот какими словами завершает о. Геронтий повествование о первом этапе Елецкой женской обители «на Каменногорье»: «Остались только на своем излюбленном пепелище две боголюбивые старицы – 60-ти летняя Ксения и 80-ти летняя Агафия, усердные рабы Христовы. Они решились лучше жить под открытым небом, нежели оставить свое согретое молитвенным огнем и воздыханиями сердечными уединение. Так печально закончилось существование Елецкой Знаменской женской обители, что на Каменной Горе». Но, как гласит предание, оставаясь среди развалин, старицы крепко верили, что рука Господня будет с ними, верили и тому, что Он, Милосердый, восстановит их разрушенную пламенем святую обитель – к славе Пресвятого имени Своего. Так вскоре и совершилось. Промыслом Божиим по молитвам великих угодников Митрофана и Тихона, святителей Воронежских, «благоугодно было паки возродить оную «яко Феникс», – из пепелища».

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

Святитель Феофан Затворник

О пути ко спасению

Между тем как я придумывал, что бы сказать вам о пути ко спасению, пришло мне на память сказание, которое я читал в одном из древних отечников. Не считаю излишним передать его ныне в том виде, как оно рисуется в голове моей.

Один глубокий старец, живший в уединенной пустыни, впал в уныние, и тьма помышлений начала сокрушать душу его, внушая ему недоумения, правильно ли течет он и есть ли надежда, что труды его увенчаются наконец успехом. Старец сидел, поникши главою. Сердце ныло, но очи не давали слез. Сухая скорбь томила его. Между тем как он так убивался горем, предстал ему Ангел Господень и сказал: «Что смущаешься и зачем помышления входят в сердце твое? Не ты первый и не ты последний идешь путем сим. Многие уже прошли им, многие идут, и многие пройдут им в светлые обители райские. Ступай, я покажу тебе разные пути, какими ходят сыны человеческие, равно как и то, куда приводят сии пути. Смотри – и вразумляйся!»

Повинуясь мановению Ангела, старец встал и пошел; но едва сделал несколько шагов вперед, как стал вне себя и погрузился в созерцание дивного видения, которое открылось умным очам его. Он видел по левую от себя сторону густой мрак, как стену непроницаемую, внутри которого слышались шум, тревога и смятение. Всматриваясь внимательнее в мрак, увидел он широкую реку, по которой волны ходили взад и вперед, вправо и влево; и кто-то всякий раз, как мелькала пред очами его волна, как бы на ухо внятно произносил старцу: это волна неверия, безпечности, холодности; это – немилосердия, разврата, взяточничества; это – неги, забавы, зависти, раздора; а это – пьянства, нечистоты, лености, неверности супругов и прочее и прочее; и всякая волна поворачивала на себе пред ним несметное множество людей, поднимая их из реки и снова погружая в глубь ее. В ужасе старец воскликнул: «Господи! Ужели все сии погибнут и нет им надежды спасения?» Ангел сказал ему: «Смотри далее – и узришь милость и правду Божию!»

Старец взглянул еще на реку и увидел ее по всей широте и по всей долготе своей покрытою малыми ладьями, в которых сидели светлые юноши со всякого рода орудиями во спасение утопающих. Они всех призывали к себе и иным подавали руки, другим спускали жерди и доски, тем бросали верви, а иногда погружали вглубь багры и крюки, не ухватится ли и там кто? И что же? Редкий-редкий откликался на призывный голос их, и еще менее было таких, которые пользовались как следует подаваемыми им орудиями спасения. Наибольшая часть с презорством отвергали их и с каким-то диким услаждением погружались в реке сей, издававшей чад, смрад и гарь. Старец простер взор свой вдаль реки и в конце ее увидел бездну, в которую низвергалась она. Юноши в большом количестве стремительно плавали в ладьях туда и сюда, у самого края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, несмотря на то, каждую минуту, на каждой точке реки целые тысячи людей вместе с рекою низвергались в бездну, откуда были слышны одни стоны отчаянья и скрежет зубов. Старец закрыл лицо свое и зарыдал. И был к нему глас с Неба: «Горько, но кто виновен? Скажи, что бы еще мог Я сделать для спасения их, чего бы не сделал? Но они с ожесточением отвергают всякую подаваемую им помощь. Они отвергнут Меня, если Я низойду на помощь к ним в самые безотрадные места их страданий».

Успокоившись несколько, старец обратил очи свои на правую сторону, к светлому востоку и утешен был отрадным видением. Те, кои, внимая зову светлых юношей, подавали им руку или хватались за какое-нибудь спасительное орудие, были извлекаемы ими на правый берег. Здесь принимали их другие лица, вводили в небольшие стройные здания, рассеянные в большом количестве по всему протяжению берега, где их обмывали чистою водою, облекали в чистые одежды, опоясывали, обували, давали посох и, подкрепив пищею, отсылали в путь – далее к востоку, заповедав им не озираться вспять, идти без остановки, внимательно смотреть под ноги и не пропускать ни одного подобного здания без того, чтоб не зайти в него и не подкрепить себя в нем пищею и советом от тех, чьему попечению вверены сии здания, равно как все заходящие в них. Старец провел глазами по берегу и увидел, что на всем протяжении его готовятся в путь эти избавленные. На лице всех отпечатлевались радость и воодушевление. Видно было, что они все чувствовали особенную легкость и силу и с некоторою неудержимостию устремлялись в путь, первые стадии которого усеяны приятными цветами.

Старец обратил потом взор свой далее к востоку, и вот что ему открылось! Приятный луг оканчи-

вался не вдали от берега; далее начинались горы, лежавшие хребтами в разных направлениях. Они шли, поднимаясь все выше и выше и пересекаясь пропастями, то голые и утесистые, то покрытые кустарниками и лесами. Повсюду по ним видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидел в утомлении или стоял в раздумье, тот боролся со зверем или змеею; один шел прямо к востоку, а другой по косвенному направлению, а иной перерезывал поперечно пути другим; только все были в труде и поте, в борьбе и напряжении сил и душевных, и телесных. Редкий путник всегда видел дорогу: часто она совсем пропадала или раздроблялась в распутия; в ином месте скрывали ее туман и мрак, в ином пресекала пропасть или крутой утес; там преграждали ее звери из дубравы или ядовитые гады из ущелий. Но вот что дивно! Повсюду по горам рассеяны были красивые здания, подобные тем, в которые принимаемы были в первый раз спасенные от воды. Коль скоро путник заходил в них, как ему заповедано вначале, то, как бы он ни был изможден до того времени, выходил оттуда бодрым и полным сил. Тогда звери и гады не могли выносить взора его и бежали от него; никакие препоны надолго не останавливали его, и он легко и скоро отыскивал скрывавшийся каким-либо образом путь по тем указаниям, какие получал в тех зданиях. Всякий раз, как преодолевал кто препятствие или одолевал врага, становился крепче, выше и статнее; чем кто выше всходил, тем более хорошел и светлел. К вершине горы местность опять становилась гладкою и цветистою; но вступившие на нее вскоре входили в светлый облак, или туман, из которого более уже не показывались.

Старец поднял очи выше сего облака и из-за него или из-за горы увидел чудный, неописанной красоты свет, из которого доносились к нему сладостные звуки: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!* Старец в умилении пал ниц, и над ним звучно пронеслось слово Господне: *тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24).

Поднявшись снова на ноги, старец увидел, что с разных высот горы немалое число путников в разных местах стремительно бежали снова к реке, то молча, то с криком и хульными, бранными словами. К каждому из них и сверху, и с боков обращаемо было воззвание: «Остановись, остановись!» Но гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остережению и снова погружались в смердящую реку. Тогда старец в изумлении воззвал: «Господи! Что сие?» И услышал в ответ: «Плод самочиния и непокорливости богоучрежденному порядку!» Тем видение кончилось.

Ангел, показывавший его старцу, спросил его наконец: «Утешен ли?» И старец поклонился ему до земли.

Думаю, братия, нет нужды много говорить вам для истолкования сего видения. Река есть мир; погруженные в ней люди – живущие по духу мира, в страстях, пороках и грехах; светлые юноши в ладьях суть Ангелы и вообще призывающая ко спасению благодать; бездна, в которую низвергалась река с людьми, есть пагуба; красивое на правом берегу здание – Церковь, где чрез Таинства покаяния или крещения обратившиеся грешники омываются от грехов, облекаются в одежду оправдания, препоясуются силою свыше и поставляются на путь ко спасению; восход на гору с разными затруднениями – разные труды в очищении сердца от страстей; звери и гады – враги спасения; гладкая к вершине местность – умиротворение сердца; светлое облако, скрывающее путников, – покойная смерть; свет из-за горы – рай блаженный; здания, рассеянные по горе, – храмы Божии. Кто заходит в сии здания на пути, то есть принимает Таинства и участвует в священнодействиях и молитвованиях Церкви, пользуется советом и руководством пастырей, тот легко преодолевает все препятствия и скоро востекает к совершенству. А кто самочинно отвергает их, не подчиняясь указаниям и советам пастырей, тот скоро падает, и дух мира снова увлекает его.

Прилагать к сему какое-либо увещание считаю излишним. Умоляю только вас, братия, спаситеся от века сего лукавого! Аминь.

«Пять поучений о пути ко спасению». Епископ Феофан. Москва, 1894.

Христианская поэзия

ПРОСТИ

Прости, что я тебя так часто, мама, обижал,
А ты терпела кротко и всегда меня прощала,
И лишь тогда, когда я в час вечерний засыпал,
Ты надо мною скорбно голову склоняла
И, тихо плача, гладила меня,
И укрывала одеялом потеплее.
Прости, что я так часто оскорблял тебя,
От сатанинской злобы стервенея.
Прости, что унижал осознанно тебя,
Хлестал словами, чтобы сделать побольнее,
А ты молилась за жестокое дитя,
И лишь от горя твои волосы седели.
Прости, что много лет не слушался тебя
И доказать, что не права ты, без конца старался,
А ты встречала с тихой нежностью меня,
Когда один я в целом мире оставался.
Прости, что о тебе нередко забывал,
А ты ждала всегда с надеждой и тревогой.
Прости, что счастье, мама, без тебя искал,
А ты молила о моем спасенье Бога.
Прости, что жизнь твою на годы сократил.
Ты отдала их за меня без сожаленья.
Прости, что больше не тебя — себя любил
И не искал с тобою примиренья.
Прости за все, что сделаю еще
И от чего ты снова постареешь.
Спаси Господь тебя за то, что жив был я, —
Ты, мама, своей жизни не жалеешь.

Иеромонах Стефан

КРЕСТ

Откуда-то издалека, от первоистока памяти, всплывает эта история... Кто ее рассказывал? Бабушка? Мама? Или, может, кто-то из чужих людей, ночевавших тогда у нас? Сколько их проходило тогда мимо по разворошенной, обугленной войною земле...

А история была такая...

Крестьянин услышал в церкви, что Христос, наш Спаситель, мученическую кончину на кресте принял и поэтому теперь каждому православному свой крест надобно нести.

И задумался крестьянин, как только русский мужик и умеет задумываться, уже ни на что более не отвлекаясь и не безпокоясь более ни о чем.

А обдумавши все, отправился в лес, нашел подходящее дерево и, повалив его, смастерил крест. Потом топор в пенек воткнул, перекрестился и, взвалив крест на плечи, двинулся в путь. Куда? А куда глаза глядели... Тяжел крест оказался, но нести надо, раз взялся... И долго мужик шел. Может неделю, а может – месяц. Главное, что всю оставшуюся жизнь. Потому что в конце жизни он пришел к монастырю. Остановился там, а войти не может – слишком велик крест оказался, не проходит в ворота.

Предлагали мужику, дескать, сними с плеч крест, разберем его, пронесем через ворота, тогда снова поднимешь на плечи... Нет... – отвечал мужик. – Никак нельзя, невозможно его с плеч снять, покуда до конца не донесу...

Ну, нельзя, так нельзя.

Остался он с крестом за стеною монастыря.

День прошел. Ночь наступила. Утром пошли монахи в церковь – стоит мужик с крестом за воротами. Никуда не ушел. Дальше ему идти некуда. Игумен к мужику вышел.

– Так, мол, и так, – говорит. – Не проходит в ворота крест твой. А стену ломать монастырскую не положено. Да и опасно очень – враг приближается. Как без стены оборонимся?

– Не надо ломать... – отвечает мужик. – Я тут постою, пока силы будут...

Заплакал игумен и в келью к себе ушел – молитву творить.

И было видение ночью игумену.

Утром собрал братию и благословил монастырскую стену разбирать.

Разбирают монахи ее, а стена, не в теперешние времена делана, не разбирается никак. Каждый камушек вырубать приходится.

Несколько дней и ночей трудились, покуда проломили стену. А только ввели мужика с крестом в монастырь, тут и враги. Скачут необозримые полчища. Стрелы летят тучами. Сабли сверкают...

Думали монахи, что теперь погибель монастырю наступает, сами ведь и проход сделали. Прямо в пролом мчится вражья конница...

А мужик, едва только вошел в монастырь, слабеть стал, прислонился с крестом к стене, поставил крест у пролома, перекрестился и помер...

– А враги? – спросил я. – Они ведь в монастырь хотели ворваться!

– Не ворвались... – заверил рассказчик. – Никто тот крест сокрушить не смог. Сказывают, что тракторами его тащили, а он не поддался. Немцы танками пытались свались, а он все равно стоит... И сейчас, сказывают, на том же месте, куда и поставили. Никто, никакая сила не может сдвинуть...

Перекрестился рассказчик, завершая свою историю. И с этим и исчезает он в сумерках детской памяти... Только крестное знамение и осталось от неведомо откуда и неведомо куда бредущего мимо нашего дома по обугленной послевоенной земле странника...

Но и сейчас, через столько лет, закрываешь глаза и видишь, как движется старческая рука, сотворяя это крестное знамение...

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ. «ЯБЛОЧНЫЙ СПАС»

Проська не использовать альманах в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

Все мы, последователи Христа, – народ богоизбранный,
в особенности монахи, ведем борьбу с врагом.
Мы на войне, и сражение наше идет каждый день, и каждый час.
И кто любит отсекать свою волю, того не одолеет враг;
а чтобы победить врага, надо научиться Христову смирению;
и чья душа стяжала это смирение, тот победил врага.

Преподобный Силуан Афонский